

$P_5 \frac{5}{81}$

Белый пер.

Л Ъ С Н И

СЛАВЯНСКИХЪ
НАРОДОВЪ.

Великорусскія, Малорусскія, Червонорусскія,
Бѣлорусскія, Польскія, Болгарскія,
Сербскія, Чешскія, Моравскія,
Словацкія, Хорутанскія
и Лужицкія.

ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНИ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

VI-й годъ
изданія.

„Жизнь для Всѣхъ“.

VI-й годъ
изданія.

на основахъ,
одобренныхъ

Л. Н. Толстымъ,

состоявшимъ
ближайшимъ

сотрудникомъ „Жизни для Всѣхъ“.

При выборѣ стихотвореній и беллетристическихъ произведеній редакція старается оставаться вѣрной завѣтамъ великихъ русскихъ писателей, къ которымъ причисляетъ

АНТ. П. ЧЕХОВА.

Въ общественномъ отдѣлѣ много мѣста отводится кооперациі, основами которой редакція считаетъ взаимопомощь, самопомощь и общественную пользу.

Съ Января 1915 г. въ „Жизнь для Всѣхъ“ будутъ печататься очерки по исторіи и географіи всѣхъ нынѣ воюющихъ народовъ съ иллюстраціями и картами.

Въ видѣ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ подписчики въ 1915 г. получаютъ:

12 томовъ изящнаго иллюстрированнаго изданія сочиненій великаго англійскаго романиста

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

„Счастье и смыслъ жизни“. КНИГА
В. А. ПОССЕ.

„Основы кооперативнаго движенія“.

КНИГА В. А. ПОССЕ.

Подписная цѣна II изданія (со ВСѢМИ приложеніями) на годъ съ доставкой и перес. 6 р. 60 к. (Допуск. разсрочка: при подпискѣ 2 р. 60 к., 1 марта 2 р. 1 сент. 2 р.).

Безъ сочиненій Диккенса (I изданіе) подп. цѣна на годъ съ дост. и пересылкой 3 р. (Разсрочка отъ 1 руб.).

Адресъ редакціи и конторы:

ПЕТРГ., ул. Жуковскаго, № 22 „Жизнь для Всѣхъ“.

1581
ПѢСНИ

СЛАВЯНСКИХЪ

НАРОДОВЪ.

ВЕЛИКОРУССКІЯ, МАЛОРУССКІЯ, ЧЕРВОНО-
РУССКІЯ, БѢЛОРУССКІЯ, ПОЛЬСКІЯ, БОЛ-
ГАРСКІЯ, СЕРБСКІЯ, ЧЕШСКІЯ, МОРАВСКІЯ,
СЛОВАЦКІЯ, ХОРУТАНСКІЯ и ЛУЖИЦКІЯ.

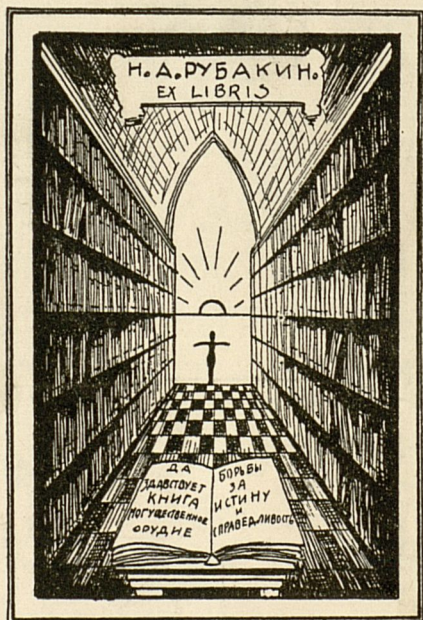
Съ вступительной статьей **Т. В. ПОССЕ.**

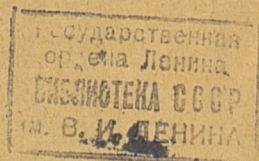
ПЕТРОГРАДЪ.

„Коммерческая Тип.“, Столярный пер. 9, Телефонъ № 520-32.

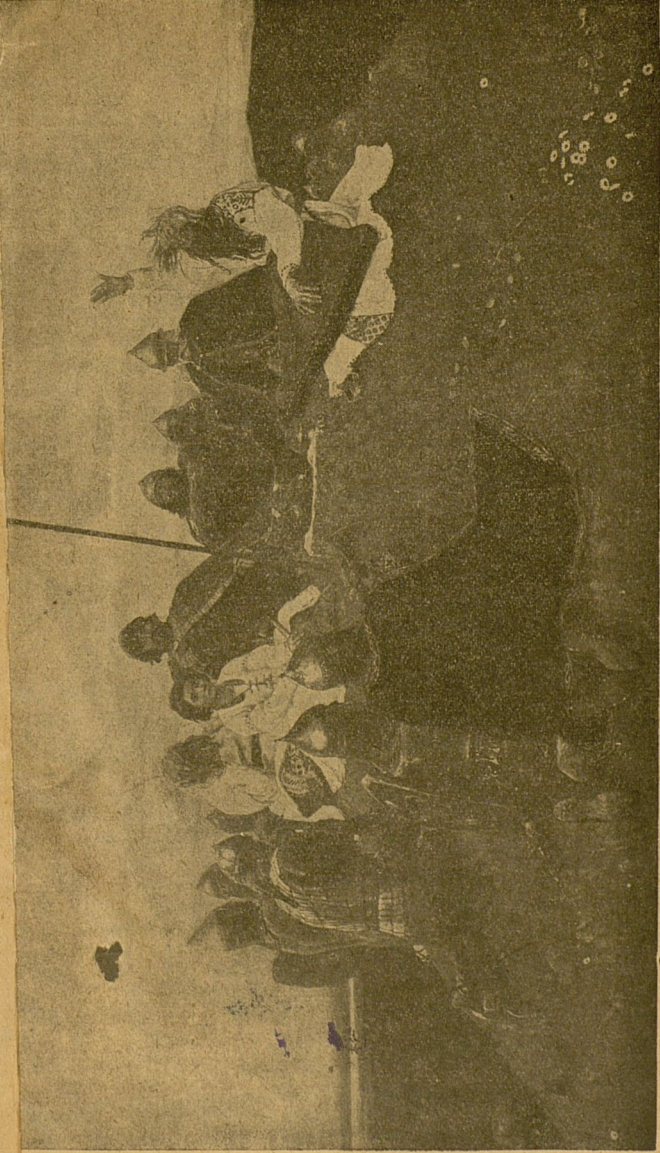
1914.

2007066809

58271-48

Б а н ь. (Картина В. Васнецова).

Славянскія пѣсни.

Издаваемый сборникъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ заключаетъ въ себѣ только небольшую часть громаднаго богатства славянской народной поэзіи. Особенно богата эта поэзія у великороссовъ и у сербовъ. Изъ великорусскихъ пѣсенъ такъ же, какъ изъ пѣсенъ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ, помѣщены въ данномъ сборникѣ только лирическія пѣсни; изъ сербской же и болгарской народной поэзіи взяты также отрывки эпическихъ произведеній.

Характеръ народной поэзіи и особенно народной пѣсни cadaго народа опредѣляется не только національными особенностями даннаго народа, но, главнымъ образомъ, государственнымъ и общественнымъ устройствомъ, при которомъ пришлось жить народу и тѣми историческими событіями, свидѣтелемъ и творцомъ которыхъ онъ былъ.

I.

Вчитываясь въ народную поэзію славянъ, мы находимъ у различныхъ славянскихъ народовъ общую основу; особенно замѣтно это сходство въ пѣсняхъ бытовыхъ, и заключается оно какъ въ сходствѣ сюжетовъ, такъ и въ приемахъ творчества cadaго отдѣльнаго славянскаго народа. Особенно близкое сходство

находимъ мы въ поэзіи сербовъ и болгаръ, историческія судьбы которыхъ тѣсно были между собою связаны. Сходство быта опредѣлило сходство народной поэзіи болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга славянскихъ народовъ. Вообще народная поэзія самыхъ различныхъ по своей національности народовъ имѣетъ сходныя черты: общій складъ первоначальнаго быта народовъ сходенъ у разныхъ національностей и сами первобытные приемы творчества носятъ одинъ общій характеръ. Въ данномъ случаѣ насъ интересуеетъ не столько сходство славянской народной поэзіи съ поэзіей другихъ народовъ, сколько общій характеръ всѣхъ славянскихъ пѣсенъ и особенности пѣсенъ каждаго славянскаго народа. Эти же послѣднія образовались, главнымъ образомъ, благодаря различнымъ историческимъ судьбамъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

Въ то время какъ одна часть славянскаго племени приобрѣла себѣ уже давно прочную національную независимость,—другая часть не имѣетъ этой національной независимости и ведетъ за нее вѣковую борьбу. Если мы не будемъ считать уже исчезнувшихъ съ лица земли племенъ, подъ властью которыхъ пришлось быть славянамъ, то останутся только два чужеземныхъ народа—нѣмцы и турки—съ которыми вели и ведутъ славяне борьбу за національную независимость. Также слѣдуетъ помнить, что часть славянскаго племени—русскіе поляки—находятся въ зависимости отъ народа одного съ нимъ племени. Чужеземная власть, подъ которой приходилось и приходится жизнь славянскимъ народа интересуеетъ насъ, поскольку она мѣшаетъ внутреннему развитію народа, давитъ свободное проявленіе народнаго творчества, мѣшаетъ развитію народной поэзіи. И здѣсь мы замѣчаемъ любопытный фактъ. Общественныя условія, въ которыя поставленъ каждый народъ, оказываются имѣющими большее значеніе для развитія народнаго творчества, чѣмъ чуже-

земное иго, если оно не мѣшаетъ правильному ходу внутренней жизни народа. Извѣстно, что наши былины сохранились почти исключительно на сѣверѣ, который не зналъ крѣпостного права,—тогда какъ въ другихъ частяхъ Россіи, испытавшихъ на себѣ гнетъ крѣпостного права, былины исчезли. Въ Сербіи же, находившейся подъ чужеземной властью Турціи и ведущей долгую борьбу за свою независимость, народная поэзія особенно богата. Бѣдна эпическими народными произведеніями и вообще народной поэзіей Бѣлоруссія, простому народу которой пришлось вынести гнетъ польскихъ пановъ—членовъ одного съ нимъ славянскаго племени, но другого общественнаго класса. Но такая чужеземная власть, которую испытала Польша, разорванная на три части, мѣшала свободному развитію ея національной самобытности и народнаго творчества.

II.

При упоминаніи о великорусскихъ пѣсняхъ всегда будутъ вспоминаться слова Пушкина: „Всею семьей, отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой — пѣснь русская. Извѣстная примѣта: начавъ за здравіе, за упокой сведемъ какъ разъ“. У слушающаго русскую пѣсню, или только читающаго ее и незнакомаго даже съ ея напѣвомъ, остается въ большинствѣ случаевъ впечатлѣніе унылости, глубокой покорности, проникающей ее. Эта унылость русскихъ пѣсенъ особенно характерна; вѣдь, рядомъ съ печальными пѣснями мы знаемъ и веселыя русскія пѣсни, полныя удали и широкаго размаха,—но и въ этихъ пѣсняхъ мы замѣчаемъ часто своеобразную особенность: веселая по содержанію пѣсня поется печальнымъ напѣвомъ или же веселый припѣвъ заканчивается безнадежно унылою пѣсню.

Унылый характеръ русскихъ пѣсенъ опредѣлился не только тѣми условіями—историческими и общественными, въ которыхъ жилъ русскій народъ, но самымъ характеромъ русской природы—печальной и однообразной, съ безграничными равнинами, безконечными лѣсами, долгими зимами и темными ночами.

Въ русской пѣснѣ отразилась русская жизнь—вѣрованія народа его бытъ, историческія событія, которыя онъ пережилъ. Въ историческихъ пѣсняхъ поется про татарское иго, про Іоанна Грознаго, Петра Великаго, про безконечныя войны, которыя пришлось вынести русскому народу. Образование государства, усиленіе Москвы, развитіе государственныхъ формъ, крѣпостное право,—всѣ факторы, подавлявшіе свободное развитіе личности, дали начало разбойничьимъ пѣснямъ, выразившимъ недовольство отдѣльныхъ группъ людей создающимися условіями жизни. Но больше всего въ пѣсняхъ—жалобъ на семейный деспотизмъ, отъ котораго страдали не только дѣвушки и женщины, но и мужчины—младшіе члены семьи. Въ этомъ отношеніи особенно интересны, такъ называемыя, бытовыя пѣсни; въ нихъ ярче всего вылилась внутренняя жизнь народа съ ея свѣтлыми и темными сторонами. „Народная пѣснь—это народная исторія, — живая и яркая, исполненная истины, обнажающая жизнь народа“, писалъ Гоголь. Въ русской пѣснѣ отразился весь строй жизни народа, не только крестьянской, но и городской; это и понятно: русскій человѣкъ поетъ вездѣ и всегда—за работой и во время отдыха.

Касаясь разныхъ сторонъ жизни, русскія пѣсни замѣчательно разнообразны по своимъ темамъ. Цѣлый рядъ пѣсенъ связанъ съ темой о судьбѣ дѣвушки, объ ея любви къ милому, тоскѣ по немъ; въ этихъ пѣсняхъ много глубины и красиваго выраженія чувствъ. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ о своей любви:

„Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками“.

Также много жалобъ въ пѣсняхъ дѣвушекъ на то, что ее насильно выдаютъ замужъ; картина семейной жизни рисуется темными красками даже въ томъ случаѣ, если бракъ былъ совершенъ по любви. Вообще народныя пѣсни даютъ яркую картину тяжелой доли русской женщины, русской крестьянки; жалобы же женщинъ, выраженные въ этихъ пѣсняхъ—кроткія и грустныя; это именно жалобы, а не протестъ, и только иногда въ этихъ жалобахъ проскальзываютъ рѣзкія нотки.

Въ художественномъ отношеніи и по своимъ напѣвамъ пѣсни русскія очень высоки; въ нихъ много сравненій, олицетвореній, символовъ, а напѣвами ихъ пользовались въ своемъ творествѣ такіе композиторы, какъ Римскій-Корсаковъ и Глинка.

Говорятъ объ упадкѣ народнаго творчества, о частушкахъ, вытѣсняющихъ старинную пѣсню. Но страхи за упадокъ народнаго творчества нѣсколько преувеличены: въ свадебныхъ и похоронныхъ пѣсняхъ упадка не наблюдается; помимо частушекъ, появляются также новыя лирическія пѣсни, и много пѣсенъ нашихъ писателей, особенно Некрасова, поются народомъ: личное творчество сливается съ коллективнымъ.

III.

Ходъ историческихъ событій связалъ судьбу великорусскаго народа съ малороссами, частью того же русскаго народа. До раздѣленія русскихъ славянъ на великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, въ нынѣшней Малороссіи складывались пѣсни—былины, ко-

торыя потомъ перешли на сѣверъ. Борьба, которую пришлось вести малороссамъ съ поляками за свою національность, заставила ихъ забыть о событіяхъ, воспѣвающихся въ былинахъ, и замѣнила былины полупоэтическими думами, а лирическую пѣснь наполнила мотивами, до извѣстной степени связанными съ этой борьбой. Гоголь указываетъ на значеніе изученія малороссійскихъ пѣсенъ для знакомства съ особенностями исторической жизни Малороссіи: „Если жизнь его (народа) была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народной пѣснѣ... Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила“.

Малороссійскія пѣсни легко распадаются на двѣ группы. Въ однѣхъ пѣсняхъ отразилась жизнь казака, легко и радостно бросающаго домашнюю жизнь для битвъ, походовъ, опасностей, для разгульнаго житія съ товарищами. Вольная казацкая жизнь оказывалась дороже семьи,—и вотъ цѣлый рядъ пѣсенъ описываетъ прощаніе казака съ семьей, его выступленіе въ походъ, битвы, плѣнъ, бѣгство изъ плѣна, смерть казака. Порой въ этихъ пѣсняхъ, даже веселыхъ и бодрыхъ, слышатся печальныя нотки, жалобы на „долю“, какъ и въ великорусскихъ разбойничьихъ пѣсняхъ; безпкойная казацкая жизнь иногда становилась въ тягость.

Другая группа малороссійскихъ пѣсенъ описываетъ домашнюю жизнь малороссовъ. Какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, она охватываетъ разнообразныя стороны быта; въ Малороссіи даже существуетъ пословица по поводу любви малоросовъ къ пѣснямъ: „москаль до гостанья, ляшокъ до скаканья, а казакъ до спѣванья“. Особенной красотой и нѣжностью отличаются женскія пѣсни, полныя тоски по тѣмъ казакамъ, которые,

бросивъ дома своихъ женъ, возлюбленныхъ и матерей, сами отправились въ далекую сторону. Какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, въ нихъ часто описывается природа, но не сама по себѣ, а лишь, какъ оттѣняющая и поддерживающая душевное настроеніе человѣка.

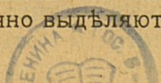
Отличательныя черты малороссійскихъ пѣсень— въ ихъ драматизмѣ, музыкальности и красотѣ напѣвовъ.

Нельзя сказать того же о пѣсняхъ третьей части русскаго народа—бѣлоруссовъ. Народная поэзія бѣлоруссовъ не богата, и причина этого въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекала жизнь бѣлоруссовъ.

Еще бѣднѣе народными пѣснями польскій народъ. У поляковъ нѣтъ ни былинь ни юнацкихъ пѣсень, а изъ лирическихъ пѣсень преобладаютъ свадебныя и обрядовыя. Польскіе паны угнетали не только бѣлоруссовъ, но и своихъ же крестьянъ — поляковъ. Народное творчество въ Польшѣ не могло получить широкаго развитія; помимо крѣпостного права этому мѣшали и постоянныя разорительныя войны и внутреннія волненія. Поэтому пѣсни поляковъ въ большинствѣ случаевъ не народныя польскія пѣсни, а — или подраженіе бѣлорусскимъ пѣснямъ, или же произведенія отдѣльныхъ авторовъ, попавшія въ народную среду.

Къ чисто національнымъ пѣснямъ поляковъ можно отнести *краковяки*, пѣсни изъ Краковской земли, коротенькія, стиха въ 2—4— поэтическія произведенія, отрывочныя и веселыя, большею частью любовнаго содержанія.

Вообще западные славяне, къ которымъ и принадлежатъ поляки, гораздо бѣднѣе народной поэзіи восточныхъ славянъ. Изъ восточныхъ же славянъ богатствомъ народной поэзіи особенно выделяются сербы.

IV.

Историческая судьба Сербіи сложилась такъ, что ей пришлось вынести много войнъ съ нѣмцами и турками. Такая судьба не могла не отразиться и въ историческихъ пѣсняхъ сербовъ; особенно борьба съ турками послужила темой для цѣлаго ряда юнацкихъ, героическихъ пѣсенъ историческаго и эпическаго характера. По живости драматическаго дѣйствія и разнообразію картинъ онѣ все-таки уступаютъ мало-россійскимъ думамъ, но зато охватываютъ почти всю исторію Сербіи, начиная съ давнихъ временъ, съ XII в., и до нашего времени. Систематически стали собираться сербскія народныя пѣсни въ началѣ XVIII вѣка Вукомъ Караджичемъ. Онѣ пѣлись и поются, какъ и пѣсни другихъ народовъ,—дѣвушками, слѣпцами, поются на посидѣлкахъ, въ хороводахъ, при совершеніи обрядовъ—похоронныхъ, свадебныхъ, праздничныхъ. Ихъ общее число простирается до десяти тысячъ.

Лирическія пѣсни обыкновенно коротки и сюжеты ихъ любовнаго характера. Изъ лирическихъ пѣсенъ особенно интересны и своеобразны такъ называемыя „сведальскія“ пѣсни, т. е. пѣсни, поющіяся въ Босніи; онѣ написаны въ магометанскомъ духѣ и полны страсти и желанія; въ нихъ отразилась жизнь богатыхъ юношей Босніи конца XVIII вѣка. Совсѣмъ иной характеръ носятъ пѣсни, сложенные въ Далмаціи; ихъ главные мотивы—семейныя чувства; въ нихъ нѣтъ страсти: онѣ просты, даже архаичны. Любовныя пѣсни—только часть общаго богатства лирическихъ сербскихъ пѣсенъ; много пѣсенъ въ Сербіи свадебныхъ, задравныхъ, рождественскихъ, колядскихъ; пѣсенъ слѣпцовъ, жнецовъ, игорныхъ, дѣтскихъ; есть также шуточные и сатирическія, очень остроумныя, направленныя противъ вдовъ, монаховъ, старыхъ жениховъ. Опять и относительно распространенности

пѣсенъ у сербовъ можно повторить то же, что уже говорилось о другихъ славянскихъ народахъ. „Весь день сербской молодежи переплетенъ пѣсней и поэзіей: на посидѣлкахъ, на рѣкѣ, гдѣ моютъ бѣлье, у колодца, на лугу, гдѣ пасутъ стада и лошадей, у водопоя, въ „коло“, на полѣ и по дорогѣ, среди густого лѣса — вездѣ раздаются пѣсня и всякое занятіе сопровождается пѣсней“ (Тальви).

Одна изъ характерныхъ чертъ сербскихъ пѣсенъ ихъ веселость, кромѣ пѣсенъ, касающихся семейной жизни.

Что касается эпическихъ пѣсенъ, то однѣ изъ нихъ такъ же, какъ и лирическія продолжаютъ жить въ народѣ—это, такъ называемыя, „гусларскія пѣсни“; другія—„бугарщины“ найдены въ рукописяхъ и больше уже не поются народомъ. По содержанію и тѣ и другія пѣсни сходны, ихъ отличіе въ стихосложеніи—короткомъ стихѣ у первыхъ, и долгомъ—увторыхъ. „Бугарщины“ возникли, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка въ южной Сербіи и уже къ XVII вѣку исчезли въ народѣ; возникли онѣ подъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ и роковыхъ событій въ Сербіи: битвъ съ турками на Марицѣ (1371 г.) и на Косовомъ полѣ (1389 г.), поэтому и содержаніе ихъ историческое,—онѣ описываютъ Косовскій бой, событія, предшествующія Косовскому бою; воспѣваютъ кралевица Марка, сербскихъ юнаковъ, борьбу съ Турціей.

Содержаніе „гусларскихъ“ пѣсенъ также больше всего касается турецкаго нашествія и предшествующей ему эпохи. Отъ русскаго эпоса сербскій отличается меньшей объединенностью—большинство русскихъ былинъ сосредоточены около Кіева, тогда какъ сербскія пѣсни касаются самыхъ различныхъ мѣстъ; также русскій эпосъ относится въ большей своей части къ болѣе древней порѣ—Кіевской Руси, чѣмъ турецкое нашествіе на Сербію.

„Гуслярскія“ пѣсни, затрагивающія историческія событія, образуютъ нѣсколько цикловъ, соотвѣтственно тѣмъ періодамъ исторіи Сербіи, которыхъ онѣ касаются. Классическими циклами здѣсь являются циклъ Косовскій и циклъ кралеви́ча Марка; изъ другихъ цикловъ, обнимающихъ исторію Сербіи съ XII вѣка и до нашего времени, особенно характерны и своеобразны циклы гайдуцкій, ускоцкій, циклы освобожденія Черногоріи и Сербіи.

Помимо историческихъ темъ, „гуслярскія“ пѣсни затрагиваютъ темы, не имѣющія отношенія къ исторіи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ ходячими сюжетами о змѣяхъ, объ исполинахъ, объ ангелахъ; съ мотивами, встрѣчающимися въ апокрифахъ и въ агіографической литературѣ: о Богородицѣ, обозрѣвающей грѣшниковъ въ аду, о св. Георгіи, убившемъ дракона и освободившемъ царевну; варіаціи общенародныхъ легендъ и сюжеты, проникшія въ народную пѣснь изъ средне-вѣковыхъ романовъ. Въ классическомъ циклѣ о Косовской битвѣ мало чудеснаго: онъ отличается перевѣсомъ историческаго строя, но все-таки самая основа событія, какъ она представляется въ пѣснѣ,— легендарна; Косовская битва превратилась въ исторію о клеветникѣ—измѣнникѣ и объ оклеветанномъ героѣ. Такое событіе, какъ Косовская битва, имѣвшая громадное значеніе для Сербіи, не могло и не быть окутано цѣлымъ рядомъ легендъ.

Также окружена легендой личность главнаго сербскаго героя Марка-кралеви́ча—Ильи Муромца сербскаго эпоса. Какъ историческая личность, кралеви́чъ Маркъ не имѣлъ значенія; въ 1371 году послѣ смерти своего отца, короля Вукашина, онъ былъ королемъ части Македоніи; съ 1388 г. призналъ надъ собою власть турецкаго султана, а въ 1394 году палъ на Ровинахъ, въ бою султана Баязета противъ валашскаго воеводы. Изъ незначительной исторической личности кралеви́ча

Марка народная пѣсня сдѣлала героя, самаго популярнаго и любимаго въ сербскомъ эпосѣ. Народная фантазія надѣлила его необыкновенной физической силой, храбростью, страстью къ вину, раздѣляемую многими эпическими героями; часто Маркъ безчеловѣченъ, какъ въ поступкѣ съ арапской царевной, которую онъ закололъ, послѣ того, какъ та освободила его изъ темницы, но рядомъ съ чертами внѣшней силы, Маркъ-князь надѣленъ и высокими внутренними качествами; въ своемъ поступкѣ съ арапкой онъ раскаивается, онъ нѣженъ, набоженъ, справедливъ и, подобно Ильѣ Муромцу, защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ—черта свойственная лишь славянскихъ эпическимъ героямъ. Народная фантазія окутала также его личность легендой, приписавъ ему происхожденіе отъ змія, и упоминая объ его дружбѣ съ исполинами.

Въ пѣснѣ „Мина къ Котуры“ Маркъ отказывается отъ званія сборщика податей — его останавливаетъ при этомъ мысль объ нищихъ и убогихъ.

Его службу султану народная фантазія приписала заклятію отца, такъ какъ народное чувство не могло примириться съ мыслью, что любимый ею герой—слуга султана. У самаго Марка сильно сознаніе своей народности: онъ мститъ за своихъ, отмѣняя свадебный откупъ, установленный на Косовомъ полѣ арапомъ послѣ пораженія сербовъ. Самую смерть Марка народъ сдѣлалъ залогомъ своего освобожденія. Въ однихъ пѣсняхъ Маркъ погибаетъ отъ своей руки, зато въ другихъ рассказывается, подобно тому, что рассказывается о Фридрихѣ Барбароссѣ и Карлѣ Великомъ—о пещерѣ, въ которой сидитъ Маркъ и изъ которой онъ выйдетъ въ трудную для Сербіи минуту, чтобы освободить народъ отъ чужеземнаго ига.

Ускоцкія пѣсни и пѣсни объ освобожденіи Черногоріи и Сербіи повторяютъ всѣ тѣ же мотивы борьбы съ Турціей. Ускоки—это герцеговинцы, которые послѣ

покоренія Герцеговины турками ушли на хорватское Приморье и въ качествѣ австрійскихъ воиновъ обороняли пограничныя области отъ турецкихъ четъ, а часто и сами нападали на турецкія области.

Пѣсни же объ освобожденіи Черногоріи описываютъ борьбу съ турками, начиная съ истребленія потурченцовъ въ 1703 году подъ начальствомъ владыки Даниила и кончая нашими днями.

Пѣсни объ освобожденіи Сербіи касаются, главнымъ образомъ, возстанія подъ предводительствомъ Карагеоргія и возможно, что онѣ искусственнаго происхожденія.

Очень близко къ сербскимъ пѣснямъ подходятъ болгарскія пѣсни, что объясняется сходствомъ исторической судьбы народовъ и тѣхъ условій, въ которыхъ они были поставлены. Болгарскія пѣсни часто представляютъ собою простой пересказъ сербскихъ пѣсенъ о томъ же Маркѣ-кравеичѣ, о борьбѣ съ Турціей, или онѣ развиваютъ общеславянскія и общенародныя мотивы; напримѣръ, пѣсни самовильскія носятъ мифологическій характеръ; другія повторяютъ церковныя мотивы; большинство же пѣсенъ — юнацкія, какъ и въ Сербіи, описывающія борьбу съ Турціей, и пѣсни о гайдукахъ, ведущихъ партизанскую войну противъ турокъ.

V.

Гораздо бѣднѣе творчество западныхъ славянскихъ народовъ — чеховъ, моравовъ, словаковъ, поляковъ и сербовъ — лужичанъ. Въ противоположность Сербіи и Болгаріи, у чеховъ нѣтъ народныхъ эпическихъ произведеній — былинъ. Возможно, что власть нѣмцевъ, подъ которую попали чехи и вліяніе нѣмецкой культуры оказали разрушающее дѣйствіе на народную самобытность — отсюда и бѣдность чешской эпической народной литературы въ настоящее время. О существо-

ваніи эпоса у чеховъ въ прежнее время свидѣтельствуютъ двѣ рукописи, найденныя въ 1817 году — Зеленогорская и Краледворская, заключающія въ себѣ цѣлый рядъ пѣсенъ. Эпическія пѣсни той и другой рукописи, изъ которыхъ Зеленогорскую рукопись относятъ къ X или XI в., а Краледворскую къ XIII и XIV вѣкамъ,—продуктъ личнаго творчества, но, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“, эти эпическія пѣсни сохранили живую связь съ народнымъ творчествомъ.

Содержаніе Зеленогорской рукописи это „Любушинъ судъ“.

Любуша, вѣщая старославянская княжна, должна послѣ смерти отца разсудить братьевъ, которые спорятъ изъ-за земельного наслѣдства. Согласно древнему славянскому обычаю, Любуша хочетъ, чтобы братья владѣли сообща землей, или же, если дѣлились, то каждый бы получилъ одинаковую часть; но старшій братъ хочетъ одинъ владѣть всей землей,—въ этомъ уже выражается нѣмецкій принципъ маіората. Народность этого произведенія, помимо содержанія,—въ приѣмахъ творчества, въ олицетвореніи природы, въ обращеніи къ рѣкѣ Влтавѣ, которая помутнѣла, видя вражду между братьями.

Краледворская рукопись, найденная въ гор.Кралевѣ, только остатокъ большой рукописи. Наряду съ эпическими и лиро-эпическими пѣснями, она содержитъ и лирическія пѣсни уже чисто народнаго происхожденія.

Содержаніе эпическихъ пѣсенъ касается борьбы между язычниками-чехами и франками-христіанами: такъ, Забой — богатырь воодушевляетъ своей пѣсней народъ на борьбу съ угнетателями. Отразилась въ нихъ и междуусобная война отдѣльныхъ княжествъ, изгнаніе поляковъ изъ Чехіи, борьба съ нѣмцами, съ татарами; отразились въ нихъ и черты средневѣковой рыцарской поэзіи. Созданы эти пѣсни авторомъ, про-

никнутымъ народнымъ духомъ. Изъ лирическихъ пѣсенъ, уже чисто народныхъ, очень древнихъ,—однѣ относятся къ языческимъ временамъ, какъ напримѣръ, „Елень“, „Збыгонь“, „Ягоды“; другія—къ болѣе позднему, какъ „Роза“, „Кукушка“ и т. д. Замѣчательно сходство чешскихъ лирическихъ пѣсенъ съ русскими—великорусскими и малорусскими; въ нихъ есть драматичность дѣйствія, особенно въ болѣе древнихъ; множество метафоръ, аллегорій, уподобленій, обращеній къ природѣ, олицетвореній и символовъ. Много пѣсенъ относится къ гуситской эпохѣ, когда историческія событія взволновали весь народъ.

Но опять приходится повторить, что за то народная поэзія у чеховъ очень бѣдна. Уже въ XIV в. она была сильно модернизирована латино-нѣмецкими вліяніями; въ XV—XVI вѣкѣ искусственная поэзія стала черезъ нѣмецкихъ миннензингеровъ вторгаться въ область народной поэзіи; первобытныя славянскія черты стали стираться подъ вліяніемъ иноземныхъ нравовъ, городской жизни, и школы, появились правильныя риемы, что вообще не свойственно народной пѣснѣ.

Больше первобытныхъ чертъ сохранили въ своихъ пѣсняхъ словаки и моравы. Словаки живутъ въ Австро-Венгріи; высшіе классы поддались чужеземному вліянію, но низшіе классы сохранили старинныя народные обычаи, вѣрованія, языкъ и пѣсни.

О даровитости словаковъ можно судить по той замѣчательной литературѣ, которая возникла всего 100 лѣтъ тому назадъ. Но политическая несамостоятельность народа, отсутствіе особой исторіи внѣ исторіи господствующаго народа, отразилась и на характерѣ народныхъ словацкихъ пѣсенъ. Исторія не дала матеріала для эпическихъ произведеній, гражданская жизнь была мало развита; отсюда идиллическій характеръ словацкихъ народныхъ пѣсенъ, близость ихъ къ природѣ, описаніе мирной земледѣльческой жизни.

Что касается моравовъ, то ихъ историческая судьба такъ тѣсно связана съ судьбой чеховъ, и по своему происхожденію они тѣ же чехи, что особенность ихъ творчества заключается только въ нѣкоторомъ различіи языковъ.

Упомяная о пѣсняхъ различныхъ славянскихъ народовъ, поневолѣ приходится повторяться — у нихъ много общихъ чертъ. Всѣ онѣ даютъ отраженіе самымъ разнообразнымъ сторонамъ жизни народа, во всѣхъ нихъ чувствуется близость къ природѣ, всѣ онѣ не уходятъ далеко отъ дѣйствительной жизни, за предѣлы видимаго міра въ міръ романтическихъ грезъ; если въ нихъ и есть много чудеснаго, то все — таки ихъ общій характеръ остается реалистическимъ. Но, какъ и про русскія пѣсни, про большинство славянскихъ пѣсенъ можно сказать, что онѣ проникнуты грустнымъ настроеніемъ. Такова уже исторія славянскихъ народовъ, ведущихъ постоянную внутреннюю и внѣшнюю борьбу.

Т. П.

Великорусскія пѣсни.

Д у б и н у ш к а.

Ну, ребята, принимайся,
За дубинушку хватайся.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама поидеть!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Нутка, примемся за дѣло,
Чтобъ оно у насъ кипѣло.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама поидеть!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Нутка примемся мы дружно,
Поскорѣй окончить нужно.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама поидеть,
Идетъ! идетъ! идетъ!
Ну, ребята не зѣвайте,
Разомъ дружно напирайте.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама поидеть!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Ну, тяни, ребята, смѣло,
Чтобъ работа-то кипѣла.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама поидеть!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Вы тяните посильнѣе,
Опускайте вразъ дружнѣе.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама поидеть!
Идетъ! идетъ! идетъ!

Э й, у х н е м ъ!

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Разовьемъ мы березу,
Разовьемъ мы кудряву.

Ай, да-да! ай, да! ай, да-да! ай, да!

Разовьемъ мы кудряву.
Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!

П о л о с а.

Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
На тебѣ не колосья—краса,
Не колосья—краса, а былинка!
А кругомъ-то, кругомъ поглядишь,
Такъ и зрѣютъ могучія нивы,
И стоитъ благодатная тишь,
И волнуются ржи переливы...
Но горька мнѣ твоя нагота,
Какъ взгляну я на ниву-то Божью!
Отчего жъ ты одна сирота,
Не красуешься матушкой-рожьё?
Знать, хозяинъ-то твой въ кабакъ
Загулялъ не одну ужъ недѣлю,
Иль отъ горя въ гробовой доскѣ
Отыскалъ на погостѣ постелю;

А, быть-можетъ, и то: въ кандалахъ
По Владимиркѣ пахаря гонять,
За широкій, за вольный размахъ,
Богатырскую силу хоронять...
И шагаетъ онъ въ синюю даль,
Самъ шагаетъ да слезы глотаетъ:
Все-то ниву свою ему жаль,
Все полоску свою вспоминаетъ...
Зарастай же, моя полоса,
Частымъ ельничкомъ ты да березкой,—
И пускай же ни серпъ, ни коса
Не сверкаютъ отсель надъ полоской.

Зашумѣла, разгулялась.

Зашумѣла, разгулялась,
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога.
Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась,
Не осталось слѣду,
Поднялась пыль и вьюга,
Не видать и свѣту.
Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложитъ путь-дорогу,
Лишь была бѣ охота.
Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.
Ужъ какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обойметъ его стыдливо
Бѣлою рукою;

Опустивши ясны очи,
Друга приголубить...
Вспыхнетъ онъ—и холодъ ночи,
И весь свѣтъ забудетъ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая;
Ничего въ волнахъ не видно,
Одна лодочка чернѣетъ,
На ней паруса бѣлѣютъ;
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
На кормѣ сидитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Во коричневомъ кафтанѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
Какъ возговоритъ хозяинъ:
Мы пригребемте, ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановны здоровью.
Аленушка выходила
Таки рѣчи говорила:
„Не прогнѣвайся, пожалуй,
Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла—
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ домашней тѣлогрѣйкѣ“.

Не одна во полѣ дороженька.

Не одна во полѣ дороженька
Въ полѣ пролегала.
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ
Бѣлымъ заростала.
Какъ нельзя-то мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать.
Хоть доѣду я къ сударушкѣ,
Всю ночь протоскую.
Я спрошу свою сударушку,
Спрошу про здоровье:
«Ты здорова ли, сударушка,
Какъ живешь ты, можешь?»

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ,
Снѣги забѣлились, забѣлились:
Забѣлилися моего дружка
Каменны палаты, то палаты;
У палатушки стоятъ два шатерка,
Шатры шелковые, шелковые.
Что во всѣхъ-то шатрахъ стоятъ два столика,
Столы дубовые, дубовые;
У столовъ стоятъ тамъ два стулика,
Стулья кленовые, кленовые;
Что сидятъ на нихъ два молодчика,—
Парни молодые, молодые.
На столахъ стоятъ двѣ чернильницы,
Края золотые, золотые.
У молодчиковъ по перу въ рукахъ,
Перья лебедины, лебедины.

Добры молодцы пишутъ грамотки
По бѣлой бумагѣ, по бумагѣ.
Противъ нихъ стоитъ красна дѣвица,
Сама горько плачетъ, горько плачетъ.
Добры молодцы красну дѣвицу
Сидятъ унимають, унимають:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не плачь, не печалься, не печалься.
Что не быть, не быть твоему дружку
Не быть во солдатахъ, во солдатахъ,
А что быть-то быть твоему дружку
Во донскихъ казакахъ, во казакахъ».

Доля бѣдняка.

Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля.
Доля бѣдняка,
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька!
Не твою ли, бѣднякъ, хату
Вѣтеръ покачнулъ,
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ;
И не твой ли подъ горою
Сгнилъ до тла овинъ;
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?
Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?
Не твоя ль жена въ лохмотьяхъ
Ходитъ босикомъ?
Не твои ли это дѣти

Просяťть подѣ окномѣ?
И не ты ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ;
Не тебя ль, бѣднякъ, обносятъ
Чаркою съ виномъ?
Не твои ли это слезы
Грустно сердце жгутъ?
Не твоя ль это могила
Смотрить сиротой—
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой,
По краямъ ея крапива
Жгучая растетъ,
А зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ...
Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!

Пѣсня рекрута.

Послѣдній нынѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья.
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.
Заплачетъ мать и мои сестры,
Заплачетъ братъ и мой отецъ,—
Идти въ солдаты выпалъ жребій
И вольнымъ днямъ пришелъ конецъ.
Еще заплачетъ дорогая,
Съ которой три года гулялъ.
Вести къ вѣнцу ее собирався,
Любить до гроба обѣщаль.
Коляска быстро подкатила
Около дому моего,

Въ коляскѣ старшіе кричали:
— Готовьте сына своего.
Крестьянскій сынъ давно готовый,
Семья вся замертво лежитъ.
Помчусь теперь я къ жизни новой,
Царю отечеству служить.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы, кусточки, ужъ повыжжены,
Еще всѣ наши станочки поразорены,
Еще всѣ всѣ наши товарищи переиманы.
Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,
А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ,—
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ....

Не шуми, мать, зеленая дубровушка,

Не шуми, мать, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,—
Какъ завтра мнѣ, добру молодцу, во допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивать:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
„Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?
„Еще много ли съ тобой было товарищей?
— Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
— Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
— Что товарищей у меня было четверо—

— Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
— А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
— А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
— А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
— Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговорить надежа православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
„Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
„Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
„Среди поля хоромами высокими,
„Что двумя ли столбами съ перекладиною“.

Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ.

—Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь возговорить славный тихій Донъ:
—Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть,—
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

Вдоль да по рѣчкѣ.

Вдоль да по рѣчкѣ,
Рѣчкѣ по Казанкѣ,
Сѣрый селезень плыветъ.

Ай да люли, ай да люли!
Сѣрый селезень плыветъ.

Вдоль да по бережку,
Бережку крутому
Добрый молодецъ идетъ.

Ай да люли, ай да люли!
Добрый молодецъ идетъ!

Самъ со кудрями,
Самъ со русыми,
Разговариваетъ!

Ай да люли, ай да люли!
Разговариваетъ!

Кому жъ мои кудри,
Кому жъ мои русы
Достанутся расчесать?

Ай да люли, ай да люли,
Достанутся расчесать?

Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабѣ расчесать.

Ай да люли, ай да люли,
Старой бабѣ расчесать.

Она не умѣетъ,
Она не горазда
Молодцу кудри чесать.

Ай да люли, ай да люли!
Молодцу кудри чесать.

Доставались кудри,
Доставались русы
Красной дѣвицѣ чесать.

Ай да люли, ай да люли!
Красной дѣвицѣ чесать.

Она и умѣеть,
Она и гораздо
Молодцу кудри чесать.

Ай да люли, ай да люли!
Молодцу кудри чесать,

Она ихъ причешетъ,
Она ихъ пригладить,
Волось къ волосу кладетъ.

Ай да люли, ай да люли!
Волось къ волосу кладетъ.

* * *

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ селезень.

Люли, люли, селезень!

Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень!

Люли, люли, селезень!

У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.

Люли, люли, селезень!

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышко,

Люли, люли, селезень!

На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.

Люли, люли, селезень!

У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда,—
Измѣнила молода,

Люли, люли, селезень!

Какъ у нашихъ у воротъ.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды

Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!

Молодецъ коня поилъ,
Къ воротничкамъ приводилъ

Ой люли, ой люли,
Къ воротничкамъ приводилъ!

Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:

Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!

Красна дѣвица душа!
Сбереги добра коня,

Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!

Сбереги добра коня,
Коня семитысячнаго!

Ой люли, ой люли,
Коня семитысячнаго!

Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила,

Ой люли, ой люли.
Не сломилъ бы удила!

Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ,

Ой люли, ой люли,
Словно павушка плыветъ.

На ней платьѣ голубое,
Лента алая въ косѣ,

Ой люли, ой люли,
Лента алая въ косѣ!

На головушкѣ перо,
Хоть пятьсотъ рублей дано,

Ой люли, ой люли,
Хоть пятьсотъ рублей дано!

Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно!

Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно!

И я золото хороню, хороню.

И я золото хороню, хороню,
 Чисто серебро хороню, хороню;
 Я у батюшки въ терему, въ терему,
 Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
 Палъ, палъ перстень
 Въ калину, въ малину,
 Въ черную смородину.
 Гадай. гадай, дѣвица, отгадывай красная!
 Въ коей рукѣ былица?
 И я рада бы гадала,
 И я рада бы отгадывала,
 Кабы знала, кабы вѣдала,
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ первиваючи,
 Златомъ приплетаючи.
 Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
 Вы скажите, не утайте,
 Мое золото отдайте;
 Меня мати хочетъ бити,
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые,
 Четвертымъ жемчужнымъ.
 Еще дѣвицы гадали,
 Еще красныя гадали,
 Да не отгадали.
 Палъ, палъ перстень
 Въ калину, въ малину,
 Въ черную смородину.
 Очутился перстень
 Да у боярина, да у молодого,
 На правой на ручкѣ,
 На маломъ мизинцѣ.
 Еще дѣвицы гадали,

Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали,
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало.
Призаиндивѣло, призаплесневѣло,
Молодайка, отгадай-ка!

* *
*

А мы просо, сѣяли,
Ой Дидъ-ладо ¹⁾, сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ-ладо, вытоптать, вытоптать?
А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ-ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ-ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ-ладо, перенять, перенять?
Шелковымъ поводомъ, поводомъ.
Ой Дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ.
А мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой Дидъ-ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ-ладо, выкупить, выкупить?
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой Дидъ-ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ-ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
О Дидъ-ладо, надобно, надобно?
Намъ то надобно дѣвицу, дѣвицу,

¹⁾ Ладо—Богъ весны.

Ой Дидъ-ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дидъ-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ-ладо, прибыло, прибыло!

Я вечеръ въ лугахъ гуляла.

Я вечеръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать.
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

Долго, долго я ходила,
Погасаль ужъ солнца свѣтъ:
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ!

Нѣтъ, цвѣточка дорогого
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка голубого
Я домой было пошла.

Шла домой съ душой унылой—
Недалеко отъ ручья
Вижу, вдругъ, цвѣточекъ милый,—
Вмигъ его сорвала я.

Незабудочку сорвала,
Слезы покатались вдругъ—
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой другъ!

Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь мнѣ себя;
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку;
Свекорь-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучить, гремить, стучить, гремить,
Снохѣ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая! —

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучить, гремить, стучить, гремить,
Снохѣ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку.
Миль-любезный по сѣничкамъ похаживаетъ.
Легохонько, тихохонько поговариваетъ.

Хоръ.

— Спи, спи, спи; ты моя умница!
Спи, спи, спи, ты разумница!
Загонена, забронена, рано выдана.

Ахъ, со вечера пороша.

Ахъ со вечера порошица выпадала,
Какъ со утрушка
Охотнички выѣзжали
Охотнички выѣзжали,
Тенета разставляли.
Тенета шелковые,
Узорчаты.
Ужъ какъ поймали охотники
Сѣра волченка;
Ужъ сговоритъ имъ
Сѣръ волченочъ:
„Отпустите меня охотнички,
Охотнички удалые,
Какъ на вольную, да на волюшку,
На четыре, да на всѣ стороны,
Вѣдь, не буду я, сѣръ волченочекъ,
Ни телятокъ драть,
Ни овечушекъ,
Буду жить себѣ,
Я смирнехонько“.

И в у ш к а.

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что-же ты, ивушка, невесело стоишь?
Или тебѣ, ивушку, солнышкомъ печеть,
Солнышкомъ печеть, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
Подъ корешокъ ключева вода течеть.
Ѣхали бояре изъ Новагорода,
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,

Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Ужъ какъ два-ль весла, третью лодочку,
Сѣли въ лодочку, поѣхали домой.
Взяли, захватили красну дѣвицу съ собой.
Стали они дѣвушку выпрашивать:
„Дѣвица, дѣвица, красавица моя,
Что же ты, дѣвица, невесело сидишь?“
—Какъ же мнѣ, дѣвицѣ, веселою то быть,
Ахъ, какъ-же мнѣ, красной, не задумываться?
Что это у батюшки-то выдуманно,
У родимой-то матушки выдуманно:
Меньшую сестру прежде замужъ выдаютъ,
Меньшая сестра-то, чѣмъ-же лучше меня?
Меньшая сестра-то, вѣдь, ни ткать ни прясть,
Ни ткать-то, ни прясть, только по воду ходить,
По воду ходить, съ горы ведрушки катить;
Качу, покачу-ли я ведрушки съ горы,
—Станьте вы ведрушки полнымъ полны,
Что полнымъ-то полны со краями ровны.

Л у ч и н у ш к а.

Лучина, лучинушка березовая,
Что-же ты лучинушка, неясно горишь?
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка не высушена?
Или свекровь лютая водой подлила?
„Подружки, голубушки, ложитесь спать,
Ложитесь, подруженьки, вамъ некого ждать,
А мнѣ, младешенькѣ, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, мила друга мнѣ ждать.
Первый сонъ заснула я: мила друга нѣтъ,
Другой сонъ заснула я: желаннаго нѣтъ,
Третій сонъ заснула я: заря, бѣлый свѣтъ,
По бѣлой, по зорюшкѣ мой милый идетъ“.

Ахъ, ты ночка, ноченька.

Ахъ ты ноченька,
 Ночка темная,
 Ночка темная,
 Ночь осенняя!
 Ни одной нѣтъ
 Въ небѣ звѣздочки.
 Съ кѣмъ мнѣ ноченьку
 Ночевать будетъ,
 Съ кѣмъ осеннюю
 Коротать будетъ.
 Нѣтъ ни батюшки,
 Нѣтъ ни матушки,
 Лишь одинъ то есть
 Мой сердечный другъ,
 Да и тотъ со мной
 Не въ любви живетъ.

Малорусскія пѣсни.

Сагайдачный.

На горѣ ли да жнецы жнуть,
 А подъ той горою,
 Да подъ зеленою,
 Козаки идутъ

Впереди всѣхъ—вождь похода,
 Дорошенко славный,
 Козаковъ державный—
 Воевода.

Въ серединѣ—панъ куренный;
 Конь подъ нимъ ретивый,
 Съ чернобурой гривой,
 Здоровенный.

А въ хвостѣ—панъ Сагайдачный,
Что отдалъ за трубку
Ясную голубку,—
Всеудачный!

„Охъ, вернися, козачина!
Вороти мнѣ трубку
И возьми голубку,
Молодчина“!—

„Мнѣ съ женою не возиться,
Не по мнѣ голубка;
А въ дорогѣ трубка
Пригодится.“

„Гей, кто въ лѣсѣ?—отзовися!
Было бы огниво—
Трубка вспыхнетъ живо...
Веселися“!

Морозенко.

Ой Морозецъ, Морозенко, бравый козачина!
По тебѣ, по Морозенкѣ плачетъ Украина.
Ой, не такъ Украина, какъ козаки хваты...
А Морозиха все плачетъ, сидя возлѣ хаты.
Полно, старая, о сынѣ слезы лить рѣками!
Лучше выпей-ко ты меду съ нами козаками.
„Что-то мнѣ, мои родные, медъ, вино не пьется:
Гдѣ-то онъ, мой Морозенко, сълютымъ туркомъ бьетъ ся?“
Изъ-за горъ изъ-за высокихъ войско выступаетъ;
Впереди всѣхъ Морозенко; конь подъ нимъ играетъ.
Ѣдетъ онъ, коню на гриву голову склоняя:
„Голова-ль моя больная!.. сторона чужая“!..
Тѣло бѣлое покрыто красною насѣчкой:
Гдѣ пройдетъ Морозенко—кровь струится рѣчкой.

Окопалися козаки въ полѣ у Лимана...
Взяли, взяли Морозенка въ воскресенье рано.
Посадили Морозенка на песокъ, на солнцѣ:
Сняли, сняли съ Морозенка поясъ и червонцы.
Посадили Морозенка на пивную бочку:
Сняли, сняли съ Морозенка красную сорочку.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

Надъ городомъ тѣмъ, надъ Азовомъ, не сини туманы
вставали,—

Три брата родные изъ тяжелой неволи бѣжали.
Два ѣдутъ на коняхъ, а третій пѣшкомъ подбѣгаетъ,
О сѣрые корни, о бѣлые камни
Козацкіе ноги свои посѣкаетъ

И кровью слѣды поливаетъ,
Двухъ братьевъ своихъ догоняетъ,
Ихъ такъ умоляетъ:

„Ой, братцы, стойте! коней попасите,
Меня подождите,
Съ собою возьмите,

Къ землямъ христіанскимъ меня подвезите!“.

Заслышалъ середній; онъ старшаго брата пытается,
А тотъ ему такъ отвѣчаетъ:

„Аль злая неволя еще не дала себя знати?
Какъ будемъ мы брата въ степи поджидати,
Насъ будутъ враги догоняти,
Насъ будутъ рубити, стрѣляти;

Иль въ тяжелой неволѣ мы будемъ опять пропадати“.

— „Когда меня, братцы, вы ждать не хотите“,
Сталъ меньшій опять говорити,

То, братцы, прошу васъ, съ дороги сверните,
Булатныя сабли свои обнажите,
Козацкое тѣло мое изрубите,
Въ голодной степи закопайте—

И звѣрю и птицѣ въ добычу не дайте!“

Середній словамъ тѣмъ внимаетъ

И меньшему такъ отвѣчаетъ:

„Мы отроду, братецъ, того не слыхали,
Чтобъ острыя сабли да кровью родной обмывали.

Прощаясь, булатнымъ копьемъ ублажали“.

— „Когда меня, братцы, рубить не хотите,

Терновыя вѣтки срубайте,

Ихъ въ полы собирайте,

Примѣтой мнѣ въ поле кидайте“.

Вотъ два козака къ буеракамъ степнымъ подѣзжаютъ;

Середній за саблю—душа милосердіе знаетъ—

Съ терновника верхнія вѣтки срубаетъ,

Ихъ меньшому брату примѣтой кидаетъ.

Какъ стали на шляхъ на Муравскій они выѣзжати—

Середнему нечѣмъ примѣту кидати:

Сталъ изъ-подъ жупана китайку червоную рвати,

По шляху кидаетъ,

Примѣтой меньшому въ степи оставляетъ.

Какъ сталъ пѣшеходъ изъ терновыхъ кустовъ вы-
ходити,

Китайку червоную сталъ находити:

Руками хватаетъ,

Слезамъ ее обливаетъ.

„Не даромъ китайка валяется прахомъ по шляху:

Ужъ, можетъ, отъ братьевъ моихъ не осталось и
праху!

Ой, можетъ, за ними погоня бѣжала,

На роздыхъ въ тернахъ меня миновала,

А братьевъ догнала,

Рубила, стрѣляла.

Когда бы мнѣ Богъ

Милосердный помогъ

Козацкое тѣло въ степи отыскати,

Въ холодной землѣ закопати“!

„Одно-то безводье, другое—безхлѣбье,

А третье-то вѣтеръ въ степи повѣваетъ,
Усталого съ ногъ козачину сшибаетъ.

„Ой, полно мнѣ пѣшему конныхъ братьевъ догоняти?
Ой, время и отдыхъ ногамъ моимъ дати“!

Такъ, Саворъ-могилу завидѣвъ, козакъ говорилъ;
Подъ Саворъ-могилой казакъ опочилъ.

Въ то время орлы прилетали съ полночи
И жадно глядѣли въ козацкіе очи.

Козаченко видитъ—роняетъ слова золотыя:

„Орлы сизо-перые, гости мои дорогіе!

Прошу васъ тогда прилетати,

Изъ черепа очи мои вырывать,

Какъ Божьяго свѣта не буду видати“.

И только онъ это сказалъ—

Творцу милосердному душу отдалъ.

Тогда-то орлы налетали,

Изъ черепа очи рвали—вырывали;

И мелкая птица тогда жъ налетала,

Кровавое мясо вокругъ желтыхъ костей обирала;

И сѣрые волки тогда жъ прибѣгали,

Козацкое тѣло терзали,

Въ терновыхъ оврагахъ кровавыя кости глодали;

Ой, жалобно выли надъ нимъ, завывали,

Обрядъ похоронный справляли.

Кукушка изъ темныхъ лѣсовъ прилетала,

Садилась на дерево, слезы лила, куковала,

Что брата сестрица, что первенца мать провожала.

Какъ стали они къ христіанскимъ землямъ прибли-
жаться,

То стало на сердцѣ козацкомъ великое горе ско-
пляться.

И молвить середній печальное слово:

„Не даромъ на сердцѣ у насъ столько горя скопи-
лося злого:

Ой, можетъ ужъ нашего брата нѣтъ больше на свѣтѣ
живого!“

Ой, какъ-то мы, братъ, къ отцу—матери въ домъ да
прибудемъ?

Какъ стануть насъ спрашивать, что отвѣчать мы
имъ будемъ?

Братъ старшій словамъ тѣмъ внимаетъ

И брату середнему такъ отвѣчаетъ:

„Да скажемъ, что горе не вмѣстѣ свое коротали,

Ночною порой изъ неволи бѣжали,

Будили его—не могли добудиться,

Одни должны были домой воротиться“.

Середній словамъ тѣмъ внимаетъ

И старшему такъ отвѣчаетъ:

„Когда они правды отъ насъ не узнаютъ,

То насъ ихъ молитвы святыя за то покараютъ“.

Вотъ старшіе братья къ самарскимъ полямъ подѣз-
жаютъ,

У рѣчки Самары ложатся—въ тѣни отдыхаютъ,

Коней на траву выпускаютъ.

Тогда басурмане безбожные ихъ окружили,

Тѣхъ братьевъ двоихъ изрубили,

Козацкое тѣло въ куски искрошили,

По чистому полю его раскидали,

Со смѣхомъ, на сабляхъ ихъ головы къ небу вздымали.

Вѣютъ вѣтры.

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны—

И деревья гнутся.

Охъ, болитъ мое сердечко,

Слезы такъ и льются.

Въ лютомъ горѣ, безъ милого,

Я веселье трачу;

Только станетъ легче сердцу,

Какъ пойду поплачу.

Не помогут слезы счастью,
Легче мнѣ не будетъ...
Кто счастливъ былъ хоть часочекъ,
По-вѣкъ не забудеть.
Есть же люди и сиротской
Завидуютъ долѣ;
Но счастлива ль та былинка,
Что хирѣетъ въ полѣ,
Въ чистомъ полѣ на припекѣ,
Безъ росы, безъ крова?
Тяжко, тяжело на чужбинѣ
Безъ дружка милова!
Безъ милова, дорогова,
Сталъ мнѣ свѣтъ тюрьмою;
Безъ милова нѣтъ мнѣ счастья,
Нѣтъ мнѣ и покою.
Погляди поди, мой милый,
Какъ я здѣсь горюю,
Какъ слезами поливаю
Мою долю злую!
Кто жъ меня здѣсь приласкаетъ,
Кто здѣсь приголубить,
Если нѣтъ того со мною,
Кого сердце любить?
Полетѣла бъ я къ милому,
Да куда—не знаю.
Безъ него я сохну, вяну,
Всякъ часъ умираю.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый,
Что съ сердцемъ мнѣ дѣлать, когда заболитъ,
Застонетъ, забьется съ удвоенной силой
И станетъ безъ устали плакать и ныть?

Когда неисходное горе по волѣ,
Какъ тернѣ, тебѣ сердце въ куски изорветъ,
И ты, какъ сухое перекасти—поле,
Не знаешь куда тебя вѣтеръ несетъ?
Увы! ты отвѣтишь: скосивши былинку—
Хотя бѣ ее сто разъ ты полилъ водой—
Не цвѣсть ей ужъ болѣ: люби сиротинку,
А ей не видать ни отца, ни родной.
Вотъ такъ и на свѣтѣ: кто рано почуетъ,
Какъ сердце рыдаетъ, какъ сердце болитъ,
Тотъ рано заплачетъ... А доля плутуетъ—
Поманить, поманить и прочь улетить.
Ужели утерпишь—какъ ясное солнце
Взойдетъ и заблещетъ для міра всего
И въ очи заглянетъ къ тебѣ сквозь оконце?
Ослѣпнешь, а будешь глядѣть на него.

Доля моя, доля.

Доля моя, доля, ты вольная доля!
Иль ты, моя доля, утонула въ морѣ,
Или ты огнемъ сгорѣла?
Коли утонула, приплыви хотъ къ краю,
Коли-жъ ты огнемъ сгорѣла,
Какъ помочь, не знаю!
Пріѣхали сваты, стали меня сватать,
И хотятъ меня, меня, молодешеньку,
За немилова выдать!
Мать меня сряжала, такъ мнѣ наказала,
Чтобы семь лѣтъ у меня ты, дочка,
Домой не бывала.
Я-жъ не утерпѣла, лѣтомъ прилетѣла,
Перекинулась сизою кукушечкой,
Въ калиновой рощѣ сѣла.

Стала куковати, жалко ворковати,
Какъ и стали частые кусточки
Къ землѣ прилегати.
Мати услыхала, дочку угадала,
Она вышла, стала на пороженькѣ,
Заплакала, зарыдала.
Коль ты моя дочка, оставайся въ хатѣ,
А коли ты сизая кукушечка,
Улетай ты въ лѣсъ куковати!

Я в о р ъ.

Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду опустился;
Удалой казакъ слезами
Горючими облился.
Яворъ, яворъ, ты не падай,
Не клонись, не тнися!
Молодой казакъ удалый,
Сердцемъ не крушися!
Радъ бы яворъ не клониться—
Вода корни моетъ!
Радъ-бы, радъ казакъ не плакать!
Да сердечко ноетъ!
Онъ въ Московинену поѣхалъ,
Загремѣлъ подковой;
Воронъ—конь, арчакъ—дубовый,
Поводокъ шелковый.
Онъ въ Московинену поѣхалъ,
Да тамъ онъ сгинулъ,
Дорогую ли Украину
На вѣки покинулъ!
Приказалъ—и опустили
Черный гробъ въ могилу,

Приказаль—и посадили
Въ головахъ калину.
Пусть клюютъ калину пташки
Надъ моей могилой;
Пусть поютъ мнѣ и щебечуть
Объ Украинѣ милой.

Три сестры.

Въ полѣ широкомъ желѣзомъ копытъ
Взрыто зеленое жито;
Тамъ, подъ плакучей березой, лежитъ
Молодецъ, тайно убитый.
Молодецъ тайно убитый лежитъ,
Тайно въ траву схороненный:
Весь онъ, бѣдняжка, китайкой покрытъ,
Тонкой китайкой червонной.
Вотъ подъ березу дѣвица пришла—
Розой она расцвѣтала—
Съ молодца тихо китайку сняла,
Жарко его цѣловала.
Вотъ и другая дѣвица пришла—
Глазки сіяли звѣздами—
Съ молодца тихо китайку сняла,
Вся залилася слезами.
Третья пришла—и горѣлъ ея взоръ...
Молвила: «спить—не разбудесть...
Спи, мой молодчикъ: теперь трехъ сестеръ
Больше любить ты не будешь!»

Быль у матери сынъ соколъ.

Сокола-сына мать возрастила,
Только выростила, въ полкъ отпустила:
Три его, три провожали сестрицы;
Старшая брату коня осѣдлала,
Средняя стремя ему придержала,
Младшая поводъ ему подавала,
Мать же у сына только спросила:
„Скоро ли, сынъ мой, домой ты вернешся?“
— „Скоро я буду, скоро приѣду:
Павины перья въ рѣчкѣ потонутъ,
Мельничный жерновъ всплыветъ надъ водою!“
Вотъ ужъ и перья въ водѣ потонули,
Вотъ ужъ и жерновъ всплылъ надъ водою:
Жерновъ всплываетъ, сынъ не бываетъ,
Перышко тонетъ, мать его стонетъ:
На гору вышла, полки повстрѣчала,
Видитъ—ведутъ и коня воронова.
Стала спрашивать старшихъ по войску:
„Ахъ, не видали, львы, сокола-сына?“
— „Это не твой ли ясный былъ соколъ,
Ясный былъ соколъ, взвился высоко.
Восемь побилъ онъ полковъ басурманскихъ,
Восемь побилъ и пошелъ на девятый,
Тутъ ему ворогъ головушку срѣзалъ.
Слуги въ могилу его провожали,
Возы скрипѣли, коники ржали;
Жалко кукушка надъ нимъ куковала,
Долго дружина по немъ тосковала“.

Б е з д о л ь е.

Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ
Рѣзвятся на волѣ.
Одному мнѣ, сиротинѣ,
На бѣломъ нѣтъ доли.
Осѣдлаю я, дѣтина,
Съ ночи вороного:
„Отпускай, старуха, сына,
Снаряжай родного!“
Сына мать благословляла
Въ дальній путь-дорогу,
Цѣловала, миловала,
Поручала Богу.
Мчится подъ небомъ туманнымъ
Соколъ. „Соколина!
Ты летѣлъ надъ полемъ браннымъ:
Не видалъ-ли сына?“
— „Видѣлъ: спитъ онъ съ полуночи;
Въ головахъ ракита;
Удалому вырвалъ очи
Воронъ-ненасыта“.
Какъ всплеснетъ она руками:
„Охъ, вы, дѣти, дѣти!
Пропадать теперь мнѣ съ вами
Сиротой на свѣтѣ!“

Червонорусскія пѣсни.

В д о в а.

Какъ въ дворѣ у пана строили свѣтлицу,
Гнали на работу горькую вдовицу,
Ой, всего недѣлю мужа схоронила,
А черезъ недѣлю дитятко родила;
Недали съ родовъ ей опочить нимало:
Черезъ три дня камни тяжкіе таскала;
Держить, плача, сына рученькой одною,
Каменщикамъ камни подаетъ другою:
«Стройте, городите бѣлую свѣтлицу,
Только пожалѣйте горькую вдовицу,
Вы свѣтлицу стройте, сироту не троньте!»
Плачетъ, а утѣхи все-то нѣтъ сердечку...
Видитъ подъ горою, видитъ быстру рѣчку;
Побѣжала къ рѣчкѣ, опустила сына:
„Плавай ты по рѣчкѣ, дитятко-дитино!
Не видалъ ты батьку, не увидишь матку,
Батьку рано скрыла черная могила;
А родная къ рѣчкѣ сына утопила!
Жиль-бы ты на свѣтѣ, жиль-бы хлопецъ бравой,
А теперь по рѣчкѣ день и ночь ты плавай
Передъ панскимъ домомъ, подъ его стѣнами,
Плавай. обливайся горькими слезами!“

П р и м и р е н і е .

Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Вы скажите мнѣ, повѣдайте:
Что прочнѣе, долговѣчнѣе—

На цвѣтахъ роса разсвѣтная,
Въ небѣ радуга цвѣтистая,
Али въ сердцѣ гнѣвъ на милого?
Съ милымъ другомъ я размолвилась,
Я на милого прогнѣвалась,
И ни я къ нему, ни онъ ко мнѣ
Ни словечка не промолвили.
Въ снѣгъ зарыла я любовь свою,
Да и гнѣвъ свой затоптала въ снѣгъ
И отъ друга отреклась на вѣкъ.
Улыбнулось солнце вешнее,
Снѣгъ растаялъ, гнѣвъ утекъ ручьемъ,
И любовь въ цвѣтахъ позоревыхъ
На лугахъ зеленыхъ выросла.
Вотъ пришелъ великій, свѣтлый день;
Встала я ранымъ-ранешенько,
Вышла радостно на улицу;
Мнѣ на встрѣчу милый другъ идетъ.
Я промолвила: „Христось воскресъ!“
Очи ясныя потупивши.
Онъ отвѣтилъ мнѣ: „воистину!“
И въ уста поцѣловалъ меня.
Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженки!
Пусть померкнетъ солнце красное,
Съ милымъ ввѣкъ я не разсорюся!

Н а н а.

— Что это не слышно Наны голосочка?
Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

„Во саду—садочкѣ
Выросла малинка:
Солнце ее грѣетъ,

Дождичекъ лелѣеть.
Въ свѣтломъ теремочкѣ
Выросла Нанинка:
Тятя ее любить,
Матушка голубить“.

— У малютки Наны пѣсенки—малютки:
Малы, да пригожи, словно незабудки.

Добрые паны.

Хорошо когда-то жили,
Жили поживали,
Наши дѣды на Украинѣ:
Панщины не знали.
Ой, паны въ ту пору были
Легки на работу:
Изъ недѣли работали
Мы одну субботу.
Какъ паны да лихи стали,
Лихи на работу:
Стали панщину мы править
Шесть дней и въ субботу.
А въ святое воскресенье
Караулъ держали.
„Эй, шинкарка, жбанъ горѣлки!
Холодно—устали!“
И, за столъ усѣвшись, парни
Ту горѣлку пили...
А въ ту пору въ церкви Божьей
Къ утрени звонили.
Въ воскресенье, въ самый полдень,
Въ церкви Божьей звонять,

А Савулу батогами

На работу гонють.

„Соберемся—да и къ пану!

Трудно, братцы, стало!

Какъ бы это воскресенье

Насъ не покарало!“

Вотъ стоимъ мы передъ паномъ—

Говоримъ причину...

„Эй, козаки! взять Савулу,

Да сто палокъ въ спину!“

Бѣлорусскія пѣсни.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ,
Молодецъ добрый по сѣнямъ тесовымъ похаживаетъ,
Матерь родную такъ упрашиваетъ:
„Матушка, встань завтра рано-ранешенько,
Вытопи хату тепло ты теплешенько;
Столъ застели полотенцами бѣлыми,
Меду налей ты въ стаканы хрустальные:
Придутъ къ намъ гости не званые,
Придутъ къ намъ гости не жданные,
Придутъ насъ, матушка, въ рекруты брать,
Будутъ намъ, матушка, руки вязать.

Не сѣки ты, батюшка.

Не сѣки ты, батюшка,
При дорогѣ березки;
Не коси ты, братинька,
Травоньки шелковой;
Не щипли ты, сестринька,
Цвѣтиковъ въ садочкѣ:
Не бери ты, матушка,
Изъ ключа водицы.
При дорогѣ березка—
Я сама, младенька;
Травонька шелкова—
Мои русы косы;
Въ садочкѣ цвѣточки—
Мои ясны очки;
Во ключѣ водица—
Мои горьки слезки.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится,
По сырой землѣ ложится.

Сына мать благословляетъ

Въ путь-дорогу снаряжаетъ.

Ахъ, ты мать моя родная,

Мать моя ты дорогая!

Я твое все горе знаю:

Въ край далекій уѣзжаю,

Мать-старуху покидаю,

И съ коня-то не слѣзаю,

Изъ стремянь не вынимаю

Ногъ усталыхъ—уѣзжаю

Прямо къ тихому Дунаю.

— Ой, Дунай, рѣка большая!

Что ты мутная такая?

Аль волна тебя разбила,

Аль лебедка помутила?

— Нѣтъ, меня гранаты, пули

Помутили и раздули,

Чрезъ Дунай перелетая,

Въ молодцовъ да попадая,

Съ плечъ головушки срывая,

Тѣло бѣлое валяя.

— Охъ, вы, кони вороные,

Мои кони дорогие!

Что не пьете изъ Дунаю—

Я того не разгадаю.

Ой, не пьютъ они—вздыхаютъ,

Глазъ съ зарѣчья не спускаютъ:

Какъ тамъ молодцы гуляютъ,

Какъ другъ друга убиваютъ;

Какъ текутъ тамъ, протекаютъ

Рѣчки алыми струями,
А ручьи текутъ слезами,
Какъ мосты тамъ настилають
Человѣчьими тѣлами.

Бузина съ малиною.

Бузина съ малиною
Разомъ зацвѣтала;
Мать въ ту пору раннюю
Сына родила,
Не спросившись разума,
Въ службу отдала,
Въ войско, во солдатушки,
Въ сторону чужую.
Сѣла, сѣла матушка
На гору крутую,
И оттуда крикнула
Громкимъ голосомъ:
„Дитятко, что маешься?
Плачешь ты о чемъ?
Ходишь такъ не весело,
Ходишь да крушишься?“
— „Матушка родимая,
Какъ развеселишься!
Чужая сторонуща
Слушить, сокрушаетъ,
Наши командирушки
Безъ вины ругаютъ“.

Петрусь.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили!
Бѣднаго Петруся
До смерти забили.
А за что жъ забили,
За вину какую?
Отъ своей-то женки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой ты пани?
Пани—вся въ атласахъ,
Ты жъ—въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ
За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани;
Въ полѣ поскакала:
„Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля!
Пана нѣту дома—
Полная намъ воля!“
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскіе хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ—хлоповъ куча;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ—чернѣе тучи...
„Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!
Панъ пріѣхалъ: тучи
Громовой чернѣе!“
Чуть Петрусь до двери—

Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Чась, другой и третій.
Парень ужъ не дышитъ;
Хлопцы бить устали;
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
„Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!“
Вельможная пани
Въ сѣни выходила
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
„Будетъ вамъ и больше!
Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!“
Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ—
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинь.
Некого имъ, къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы приѣзжала
Похороны справить.
Вельможная пани
Бродить какъ шальная;
О своемъ Петрусь
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами,
Вельможная сыплеть
Бѣлыми рублями:
„Ой, не плачь ты, мати,

Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!“
И ходила пани
Борами, лѣсами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росѣ смочила.
Ходить панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ;
На себя самъ горько
Плачется, пеняетъ:
„Вѣдай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мѣшалъ Петрусю бѣ
Тѣшиться я вволю!“

Польскія пѣсни.

О ж и д а н і е.

Мѣсяца не видно
Середь темной ночи:
Жду я, жду милого
Проглядѣла очи.
Жду я, не дождуся:
Не приходитъ Яся,
Хоть и обѣщаль онъ.
Обѣщаль вчера.
Во полѣ садочекъ,
Во полѣ прохладный;
Кто жъ его украсить?
—Яся ненаглядный.
Посажу цвѣточекъ
Рано до разсвѣту...
Ахъ, да не до цвѣту,
Коли друга нѣту!
Приуныль безъ друга
Зелень лѣсъ-лѣсочекъ:
Соловей не свищетъ,
Опустя носочекъ...

Смерть милаго.

Распѣвають пташки, громко распѣвають,
Моего Ванюшу кличутъ, выкликаютъ—
Кличутъ, выкликаютъ, стонутъ за дубровой;
Конь гремитъ подковой, на войну готовый.
„Не горюй, подруга: все въ Господней волѣ;
Можетъ годъ, не болѣ, буду въ ратномъ полѣ“.
Молвилъ и помчался. Годъ и два проходитъ,

А съ войны Ванюша къ милой не приходитъ.
Ждетъ его подруга, ждетъ и дни, и ночи,
Плачетъ и крушится—выплакала очи;
Вышла на дорогу; ѣдутъ тамъ уланы—
ѣдутъ тамъ уланы, кони ихъ буланы.
Подъ попоной черной конь одинъ позади.
—Гдѣ же мой Ванюша? гдѣ коню хозяинъ?
„Охъ, убить твой Ваня, въ правый бокъ подъ душу,
Въ правый бокъ подъ душу ранили Ванюшу!“
Ранили Ванюшу въ правый бокъ подъ сердце:
Плакаться я стану по чужимъ по сѣнцамъ.
„Ой, не плачь, красотка! не жалѣй Ивана:
Изъ полку любого выбери улана!“
—Выбрать мнѣ не долго изъ полку любого,
Да не будетъ Вани у меня другого!
Хоть бы глядѣла, всѣхъ переглядѣла,
А такого друга все бы я не встрѣла!

Болгарскія пѣсни.

Исповѣдь Марко-Кралевица.

Занемогъ—и не на шутку—Марко;
Пролежалъ онъ на одрѣ три года
И ничто ему не помогало.
И ему старушка мать сказала:
„Милый сынъ, мой ненаглядный Марко!
Не Господь послалъ тебѣ страданье—
Боленъ, ты, мой сынъ, отъ прегрѣшеній.
Позову поповъ я, милый Марко:
Имъ въ грѣхахъ покайся, сынъ мой милый,
Не тая передъ ними прегрѣшеній“.
Позвала она поповъ къ больному,
И пришло ихъ девятеро къ Марку,
И входя они ему сказали:
„Во грѣхахъ своихъ покайся, Марко!“
И сказалъ имъ Марко-Королевичъ:
„Ахъ, отцы духовные, не мало
На душѣ моей грѣховъ тяжелыхъ!
Погубилъ я много душъ невинныхъ;
Но еще есть грѣхъ, и самый тяжкій:
Какъ я былъ еще въ Землѣ Арапской,
Бились мы съ арапами удачно;
Да случись какая-то старуха:
Подала она лихой совѣтъ имъ.
По ея проклятому совѣту
Изъ ножонъ они достали сабли
И по всей землѣ ихъ раскидали—
И тогда мы безъ коней остались:
Всѣ они порѣзали копыта;
И живьемъ насъ побрали арапы,
А побравъ, въ темницы побросали.
Девять лѣтъ я просидѣлъ въ темницѣ
Взаперти; не зналъ бы я, не вѣдалъ,

Какъ живутъ на вольномъ свѣтѣ люди,
Ни зимы, ни лѣта я не зналъ бы...
У царя арапскаго въ то время
Дочь была любимая, дѣвица.
И всегда, какъ наступало лѣто,
Приносила мнѣ цвѣтовъ царевна,
Говоря: „возьми себѣ ихъ, Марко,
Въ знакъ того, что лѣто наступило“.
А когда зима смѣняла осень,
Приносила снѣгу мнѣ царевна,
Говоря: „возьми комочекъ снѣгу
Въ знакъ того, что ужъ зима настала“.
Думалъ я: что сдѣлать, чтобы выйти
Изъ моей темницы ненавистой?
Обманулъ я дѣвушку арапку.
„Если бѣ ты—я говорю арапкѣ—
Если бѣ ты меня освободила,
На тебѣ бы я тогда женился“.
Поддалась словамъ моимъ арапка
Изъ тюрьмы пустила на свободу.
Дождалась она поры удобной,
Какъ отецъ ея былъ на охотѣ;
Трехъ лихихъ коней взяла арапка,
Понеслись мы съ ней Прилѣпскимъ полемъ.
Встали мы у чистого колодца,
Чтобы тамъ хлебнуть воды студеной.
Я взглянулъ въ то время на арапку,
А у ней лицо черно какъ уголь,
Зубы лишь бѣлѣли при улыбкѣ.
Стало мнѣ и тяжело и противно...
Саблей снесъ я голову арапкѣ.
Каюсь я въ великомъ прегрѣшенъи.
И зачѣмъ я погубилъ арапку,
Для чего ее домой я не взялъ,
Не привезъ ее къ своей старушкѣ?
Какъ сестра, она со мной жила бы,

И грѣха я на душу бы не взялъ!
Взаперти въ своей сырой темницѣ
Я не зналъ что день, что ночь, не зналъ бы
Ни зимы, ни лѣта безъ арапки;
И она меня освободила;
А за-то я смертью отплатилъ ей.
Вотъ грѣхи мои, отцы святые!“
Поднялись священники соборнѣ
И читать евангеліе стали,
Стали пѣть молитвы покаянья
И три дня, три ночи цѣлыхъ пѣли.
И сошелъ—спустился сонъ на Марка;
А когда отъ сна онъ пробудился,
Могъ присѣсть ужъ на одрѣ болѣзни,
Съ той поры все оправлялся Марко
Съ каждымъ днемъ до дня выздоровленья.

Обитель Врачарница.

Жили—были двое добрыхъ братьевъ,
Жили дружно, истинно по-братски;
Сговорились вмѣстѣ пожениться,
Сговорились—оба поженились.
А при нихъ жила сестра родная.
Какъ сестру свою они любили!
Ей они построили свѣтлицу;
Въ той свѣтлицѣ нѣжили сестрицу.
Чтобъ съ сестрой не разставаться, братья
Не хотятъ ее и замужъ выдать.
Думали-гадали злыя снохи,
Какъ бы имъ управиться съ золовкой,
Какъ бы братьевъ развести съ сестрою.
У одной снохи былъ сынъ—ребенокъ.
Вотъ и сговорились тайно снохи:

„Только братья выйдутъ на охоту,
Мы отворимъ сестрину свѣтлицу,
Мы найдемъ у ней въ карманѣ ножикъ,
Имъ зарѣжимъ своего младенца:
Разведемъ мужей съ золовкой нашей“.

И на чемъ сошлись и порѣшили

Злые снохи, то и совершили.

Вышли братья какъ-то на охоту;
Жены ихъ тотчасъ пошли въ свѣтлицу,

Взяли у золовки фряжскій ножикъ,

Имъ дитя зарѣзали въ свѣтлицѣ;

Обагривши дѣтской кровью ножикъ,

Положили ножъ въ карманъ золовки,

И свѣтлицу снова затворили;

А золовка такъ и не проснулась.

Занялась заря, настало утро—

И съ охоты братья воротились,

А ихъ жены причитаютъ, воютъ.

Услыхали братья эти вопли,

Обратились къ женамъ: —Ахъ, молодки!

Что такое съ вами приключилось?

Отчего вы распустили косы?

Али нѣтъ въ живыхъ золовки вашей?—

„Ахъ, мужья, одинъ Господь судья вамъ,

Вамъ судья, да и сестрицѣ вашей!

За любовь къ сестрѣ Онъ васъ накажетъ“.

— Что у васъ надѣлала сестрица?—

Испугались, онѣмѣли братья,

Какъ сказали имъ молодки-жены,

Что сестра убила ихъ малютку.

И сказали братья: „Быть не можетъ,

Чтобъ сестра такъ поступила съ нами,

Чтобъ убила нашего малютку“.

А собаки-жены говорятъ имъ:

„Ахъ, мужья, не вѣрите вы? взгляните,

Отворите сестрину свѣтлицу,

Посмотрите на свою сестрицу! “
 Идутъ братья въ сестрину свѣтлицу,
 Потихоньку отворяютъ двери
 И къ сестрѣ своей любимой входятъ,
 Но ее не будятъ сразу: тихо,
 Кротко будятъ милую сестрицу.
 Вотъ она проснулась, испугалась,
 Говорить своимъ любимымъ братьямъ:
 „Ахъ, мои любезные, скажите,
 Что за плачъ такой у васъ, родные?“
 — „Ахъ, сестра, что сдѣлала ты съ нами!
 За любовь за родственную нашу,
 Ты убила нашего малютку“.
 Испугалась ихъ сестра, смутилась,
 Съ перепугу заклиналась Богомъ,
 Заклиналась, говорила братьямъ:
 „Ахъ, мои родимые, что съ вами?
 Что такое вы мнѣ говорите?“—
 „Ну, сестра, ужъ если ты невинна,
 Такъ достань ты намъ свой фряжскій ножикъ,
 Фряжскій ножикъ, кровью омоченной...
 Такъ умри жъ и ты насильной смертью!“
 Вотъ они сестру на дворъ выводятъ;
 Тамъ она взмолилась милымъ братьямъ:
 „Ахъ, мои родные, погодите,
 Во дворѣ не проливайте крови;
 Со двора меня вы уведите,
 Отведите дальше, въ лѣсъ зеленый,
 На поляну, гдѣ растетъ дятловникъ,
 Тамъ, гдѣ видно дерево сухое,
 Тамъ, гдѣ виденъ высохшій источникъ“.
 Все о чемъ сестра просила братьевъ,
 Все они исполнили: въ зеленый
 Лѣсъ свели ее, нашли поляну,
 На которой всюду росъ дятловникъ,
 Отыскивали высохшій источникъ,

Отыскали дерево сухое.
Тамъ сестра сказала братьямъ: „Братья!
Если я у васъ дитя убила—
Никогда источникъ не пробьется,
Дерево сухое не прозябнетъ
И дятловникъ навсегда заглохнетъ;
Если жъ я невинна передъ Богомъ,
То сейчасъ источникъ оживится,
Дерево сухое отродится,
Гдѣ дятловникъ—тамъ обитель будетъ“.
Не успѣла все она промолвить,
Какъ предъ ними дерево прозябло,
Закипѣлъ источникъ вновь водою,
На полянѣ вознеслась обитель.
Тутъ сестра сказала братьямъ: „Братья!
Всѣ, кто чѣмъ теперь ни заболѣтъ,
Пусть идутъ сюда за исцѣленьемъ;
Если жъ ваши жены заболѣютъ,
Девять лѣтъ имъ пролежать въ постеляхъ
Протереть имъ столько же постелей,
Не найти имъ больше исцѣленья;
А придутъ сюда къ моимъ останкамъ—
Передъ ними храмъ святой замкнется,
И вода въ источникъ изсякнетъ,
И домой вы повернете съ ними,
Понесете ихъ въ болѣзни пущей,
Бросите ихъ на пути-дорогѣ;
Воронья по выключутъ имъ очи;
Разнесутъ ихъ тѣло злые волки
И костямъ ихъ больше не собратъся.
А младенецъ вашъ со мною будетъ.
Ну, теперь меня убейте, братья:
За любовь за родственную вашу
Смерть моя отпустится вамъ, братья“.
И сестру свою убили братья.
Тамъ, гдѣ кровь страдалицы точилась—

Очутилась церковь; тамъ, гдѣ пала
Голова ея—алтарь явился;
Тамъ, гдѣ пали слезы неповинной—
Вдругъ пробился ключъ воды цѣлебной.
Появился тамъ младенецъ-мальчикъ—
Въ ангела младенецъ превратился—
Каждый день служилъ онъ литургію;
Немощные притекали къ храму,
Притекали къ храму—исцѣлялись.
Воротясь домой, застали братья
Злобныхъ женъ своихъ уже больными;
Девять лѣтъ болѣли злая жены,
Прележали столько же постелей—
И ничто болѣзнь не облегчало.
Услыхавши какъ-то стороною,
Будто гдѣ-то проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой,
Исцѣлявшей тяжкіе недуги—
Говорятъ болѣющія жены,
Говорятъ мужьямъ своимъ: „Пронесся
Слухъ, что будто проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой
И съ ключемъ воды живой, цѣлебной;
Будто въ церкви той младенецъ-мальчикъ
Ежедневно служить литургію;
Будто въ церковь всѣ идутъ больными,
А домой здоровыми приходятъ.
Если бъ насъ снесли вы къ этой церкви?“
Взяли братья женъ своихъ болящихъ,
Понесли ихъ къ церкви въ лѣсъ зеленый:
Тамъ нашли Врачарницу обитель,
Отыскали ключъ воды цѣлебной,
Услыхали пѣніе младенца;
Но едва приблизились къ церкви,
Какъ предъ ними затворилась церковь,
Тотчасъ смолко пѣніе младенца

И изсякъ потокъ воды цѣлебной.
Только тутъ и вспомнилось братьямъ,
Что сестра передъ смертью имъ сказала.
И домой поворотили братья,
Шли они неровною дорогой,
Бросили лукавыхъ женъ дорогой
И сказали: „Вотъ вамъ наказанье!
Вы у насъ сестру сгубили—пусть же
Упадетъ на васъ ея проклятье!“
И у женъ ихъ вороны и галки
У живыхъ выклевывали очи;
Ихъ тѣла растаскивали волки,
А душа въ тѣлахъ еще держалась.
Снова братья на коней вскочили,
Снова къ церкви въ лѣсъ поворотили;
Передъ прахомъ сестреннымъ склонившись,
Говорили ей: „Прости сестрица!“
И сестра простила грѣшныхъ братьевъ!
Отворилась предъ ними церковь;
Снова въ церкви пѣлась литургія.
Оба брата иноками стали
И остались навсегда при церкви.
И стоитъ та церковь и понынѣ
Въ радость всѣмъ радѣющимъ святынѣ.

Сербскія пѣсни.

Марко-Норолевичъ и соколъ.

Расхворался Королевичъ-Марко.
Расхворался посреди дороги,
Въ-головахъ копье втыкаетъ въ землю,
За копье коня лихого вяжетъ
И такія рѣчи говоритъ онъ:
„Кабы кто воды мнѣ далъ напиться,
Кабы сѣнь-прохладу мнѣ устроилъ—
Сослужилъ бы вѣрную мнѣ службу,
Не забылъ бы я ея до смерти!“
Вдругъ откуда ни возмися соколъ,
Подаетъ воды студеной въ клювъ,
Чтобъ напился Кралевиичъ-Марко;
Распростеръ свои надъ Маркомъ крылья
И устроилъ сѣнь ему, прохладу.
Говоритъ ему Кралевиичъ-Марко:
„Сизокрылый мой ты, соколъ ясный!
Чѣмъ тебѣ, мой соколъ, услужилъ я,
Что меня водой теперь ты поишь,
Что устроилъ мнѣ ты сѣнь-прохладу?“
Ясный соколъ Марку отвѣчаетъ:
„Аль забылъ ты, Кралевиичъ-Марко,
Какъ мы были на Косовомъ полѣ
И терпѣли всякія напасти:
Изловили меня злые турки,
Ятаганомъ крылья мнѣ обсѣкли:
Ты схватилъ меня, Кралевиичъ-Марко,
И на елку посадилъ зелену,
Чтобъ меня не растоптали кони;
Далъ мнѣ мяса, чтобы я наѣлся,
Далъ мнѣ крови, чтобы я напился:
Вотъ какое ты добро мнѣ сдѣлалъ,
Вотъ какую сослужилъ мнѣ службу!“

Марко-Королевичъ пашеть.

Пьетъ вино нашъ Марко-Королевичъ
Съ Евросимой, матерью старухой,
А какъ оба выкушали вдоволь,
Сыну Марку мать возговорила:
„Милый сынъ мой, Марко-Королевичъ,
Откажись, родной отъ богатырства:
Не къ добру ведутъ твои затѣи;
Надоѣло старой мнѣ что вечеръ
Мыть-стирать кровавыя одежды.
Ты возьми-ка лучше плугъ съ волами,
Да вспаши-ко лучше горы и долины,
Позасѣй ихъ бѣлою пшеницей—
Было бъ чѣмъ съ тобой намъ прокормиться“.
Какъ велѣла, такъ и сдѣлалъ Марко:
Впрегъ воловъ онъ въ старый плугъ отцовскій,
Сталъ пахать—не горы и долины,
Сталъ пахать—онъ царскую дорогу.
Глядь—дорогой ѣдутъ янычары,
Ѣдутъ съ грузомъ серебра и злата;
И сказали Марку янычары:
— „Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“
— Эй, вы, турки, не топчите пашню!
— „Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“
— Эй, вы, турки, не топчите пашню!
А какъ спорить Марку надоѣло,
Ухватился онъ за плугъ отцовскій
И всѣхъ турокъ положилъ на мѣстѣ.
Взялъ съ собой онъ серебро и злато
И отдалъ онъ матери старухѣ:
„Вотъ, что я на пашнѣ заработалъ“!

Соловей.

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня ль у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота—
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота—
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

Н о н ь.

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водить дѣвица лихого
Опѣннаго коня;

Гладить гриву вороного
И въ глаза ему глядить:
„Я коня еще такого
Не видала“—говорить.
„Чай, коня и всадникъ стоитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холить и покоить...
Что онъ—холость аль женать?“
Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
„Холость—только за душою
Думу крѣпкую таить.
Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ—
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ въ добрый часъ“.
А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бѣ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;
„Стала бѣ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;
„Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бѣ сватовъ высылали
Поскорѣ вы за мной“.

Женитьба воробья.

Какъ задумалъ воробей жениться,
Сталъ онъ сватать дѣвицу-синицу:
Три раза онъ по полю пропрыгалъ,
И четыре по горѣ высокой—
Сваталъ, сваталъ, наконецъ сосваталъ.
Взялъ въ дружки онъ пѣгую сороку,
Въ деверья хохлатую чекушку,
Въ посаженные отцы витютня,
Въ кумовья болотную чапуру,
А въ прикумки птицу шевермогу.
Собирались сваты по невѣсту,
И дошли до ней благополучно,
Но какъ стали возвращаться къ дому
И пошли черезъ Косово поле,
Говорить имъ такъ синица-птица:
„Не шумите, господа вы сваты,
Вы не спорте, громко не гуторьте,
А не то ударить съ неба копчикъ
И отыметъ онъ у васъ невѣсту“.
Только что она проговорила,
Какъ откуда ни возьмися копчикъ,
Ухватилъ дѣвицу онъ синицу;
Кто—куда, всѣ сваты разбѣжались:
Самъ женихъ въ овсяную солому,
А дружка-сорока на березу.

Чешскія пѣсни.

Гуситская пѣсня.

Близокъ, братья, день желанный!
Засіяло наше солнце!
Огласились старымъ кликомъ
Наши доли, наши горы!
Возродился чехъ старинный,
А съ нимъ духъ и всякій свычай,
Всякій свычай и обычай

Старочешскій!

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ—
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! услыши Господи!
Потрудишь за насъ, святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!
О, когда завѣтъ отцовскій
Сохранимъ мы нерушимо—
Слава Чехіи не сгинетъ
И возстанетъ левъ нашъ бѣлый;
Чуть враги его слышатъ,
Какъ медвѣди встрепенутся
И подъ нашу пѣснь запляшутъ,—
Какъ слышатъ.

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ—
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!
Аминь! услыши Господи!
Потрудишь за насъ святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

Гей славяне!

Гей влавяне, гей славяне!
Будеть вамъ свобода,
Если только ваше сердце
Бьется для народа.
Громъ и адъ! что ваша злоба,
Что всѣ ваши ковы,
Коли живъ нашъ духъ славянскій!
Коль мы въ бой готовы!
Даль намъ Богъ языкъ особый—
Врагъ то разумѣть:
Языка у насъ во-вѣки
Врывать не посмѣть.
Пусть нечистой силы будетъ
Болѣе сторицей:
Богъ за насъ и насъ покроетъ
Мощною десницей.
Пусть играетъ вѣтеръ, буря,
Съ неба грозы сводить,
Треснетъ дубъ, земля подъ ними
Ходунумъ заходить:
Устоимъ одни мы крѣпко,
Что градскія стѣны.
Проклятъ будь, кто въ это время
Мыслить про измѣны!

В ѣ н о к ъ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
Изъ дубравы княженецкой—
Прибѣжала красна дѣвка
Зачерпнуть воды на рѣчку.
Глядь, а къ ней вѣнокъ зеленый
По волнѣ плыветъ студеной;
Перевить вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.
Встъ она ведро становить
И вѣнокъ зеленый ловить,
Да ловивши, оступилась,
Въ воду съ берега скатилась.
„Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ вѣнокъ зеленый,
Я тому позолоченый
Подарила бы въ гостинецъ
Дорогъ-перстень на мизинецъ.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Тонкимъ шелкомъ увивала,—
Я тому бы втихомолку
Изъ косы дала иголку.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый,
На просторъ волны студеной,
Я дала бъ тому вѣночекъ—
Пусть надѣнетъ миль-дружочекъ!“

Подъ окошкомъ.

Ночь пройдетъ—знакомой мнѣ
Обойдя дорожкой;
Запою я, въ тишинѣ,
Подъ твоимъ окошкомъ:
„Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!
„Будь онъ сладокъ, какъ твоя
Золотая младость!
Кто жъ приснится? Если я—
Улыбнись, какъ радость!
Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!“

Жаворонокъ.

Коноплю красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетѣ.
„Что смутна ты, что печальня!“
Дѣвѣ жаворонокъ молвилъ.
„Какъ могу я жить весельемъ,
Птица-жаворонокъ малый?
Моего милова друга
Посадили въ крѣпкій замокъ!
„Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала бы я къ другу
И съ тобой бы въ ту сторонку
Я письмо свое послала.
„Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети жъ одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогому
Про мою тоску—кручину!“

Р а з с в ѣ т ъ.

Люди мнѣ сказали;
„Будто время къ ночи!“
А то зачернѣли
Моей милой очи.
Люди мнѣ сказали:
„Зорька на востокѣ!“
А то загорѣлись
Моей милой щеки.
Люди мнѣ сказали:
„Проглянуло солнце!“
А то поглядѣла
Милая въ оконце.

Моравскія пѣсни:

П е ч а л ь.

Ужъ не быть тому во-вѣки, что прошло, что было,
Не свѣтитъ, знать, красну солнцу, какъ оно свѣтило!
Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мочью-силой,
На конѣ своемъ удаломъ, знать, не ѣздить къ милой!
Мнѣ свѣтило красно солнце въ малое оконце,
А теперь свѣтитъ не хочетъ, частый дождикъ мочить;
Частый дождикъ, непогода, бьетъ стучить въ окошко
Заросла къ моей любезной торная дорожка,
Заросла она кустами, заросла травой,
Съ той поры, какъ я спознался съ милою другою.

Старый мужъ.

У молодки Наны
Мужъ, какъ лунь, сѣдой...
Старый мужъ не вѣритъ
Женкѣ молодой:
Разомъ домекнулся,
Что не будетъ прокъ—
Глазъ съ нея не спустить:
Двери на замокъ.
„Отвори каморку—
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболѣлась
Сильно голова—
„Сильно разболѣлась,
Словно жаръ, горить...
На дворѣ погодно:
Можетъ, освѣжить?“

—Что жъ открой окошко,
Прохладись, мой свѣтъ!—
„Хороша прохлада,
Коли друга нѣтъ!“
Нана замолчала,
А въ глухой ночи
Унесла у мужа
Старого ключи.
„Спи, голубчикъ, съ Богомъ,
Спи, да почивай!“
И ушла тихонько
Въ дровяной сарай.
—Ты куда ходила,
Нана, со двора?
Волосы—хоть выжми;
Шуба вся мокра...
„А телята наши
Со двора ушли.
— Да куда жъ?—„къ сосѣдкѣ
Въ просо забрели.
„Загнала на силу—
Разбѣжались всѣ...
Я и перемокла,
Ходя по росѣ“.
Видно, лучше съ милымъ
Хоть дрова щепать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.
Видно, лучше съ милымъ,
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика.

Смерть матери.

„Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?“
— Померла, мой свѣтикъ, дочка дорогая!
Дочка побѣжала прямо на могилу,
Рухнулася на земь, молвить черезъ силу:
„Матушка родная, вымолви словечко!“
— Не могу: землею давить мнѣ сердечко.
„Я разрою землю, отвалю каменья:
Вымолви словечко, дай благословенье!“
— У тебя есть дома матушка другая.
„Охъ, она не мать мнѣ—мачиха лихая!
„Только зубы точить на чужую дочку:
Щиплетъ, коли станетъ надѣвать сорочку:
„Чешетъ, такъ подъ гребнемъ кровь ручьемъ сочится;
Рѣжетъ ломоть хлѣба—ножиномъ грозится!“

Словацкія пѣсни.

И з г н а н і е.

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влетава!
Наше ты веселье,
Красота и слава!
Красное ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!
Да что намъ Влетава,
Что намъ наша Прага,
Коли въ насъ угасла
Сила и отвага!
Изъ дому насъ гонять,
Все у насъ забрали,
Только лишь съ собою
Библию мы взяли.
Татры, горы-скалы!
Къ вамъ идемъ мы въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь мы сложимъ кости!

Собесскій и турки.

Погодите, братцы;
Перейдетъ Собесскій,
Перейдетъ Собесскій
Черезъ холмъ Силезскій—
Черезъ холмъ Силезскій,
Черезъ Бѣлу гору--
Черезъ Бѣлу гору,

На червонномъ конѣ—
На червонномъ конѣ,
Съ золотымъ контаромъ,—
Съ золотымъ контаромъ,
На помощь гусарамъ—
На помощь гусарамъ,
На защиту Вѣны;
Тогда только суньтесь,
Турки—басурманы!

Б ѣ л г р а д ъ.

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидить,
Кровью покрытъ
Миленькій мой.

Знаешь ли, мила, какъ битва живетъ?
Видишь: съ меня,
Видишь: съ коня
Кровь такъ и льетъ!

Знаешь ли, мила, что нашъ обѣдъ?
Наша ѣда—
Хлѣбъ да вода:
Вотъ нашъ обѣдъ!

Знаешь ли, мила, гдѣ буду я спать?
Тамъ гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать!

Знаешь ли, кто у меня звонаремъ?
Раненыхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ!

Хорутанскія пѣсни.

Преступникъ.

Въ ночь осеннюю, глубокую
Взяли бѣднаго меня,
И, связавши крѣпко на крѣпко,
Посадили на коня.
До тюрьмы по полю чистому
Мчался конь, какъ только могъ;
Тамъ былъ сброшенъ я пандурами
И посаженъ подъ замокъ.
Въ подземельѣ томъ губительномъ
Было царство вѣчной тьмы:
Да избавить Богъ преступника
Отъ неволи и тюрьмы?
Солнце, мѣсяцъ, звѣзды яркія,
Хоть бы разъ на васъ взглянуть?
И на Божій свѣтъ я выглянулъ,
Отправляясь въ дальній путь:
Снова по полю далекому
Волокли меня—везли,
Съ колесницы сняли траурной,
На подмостики привели.
Тамъ толпы народа празднаго
Собралися посмотришь
На преступника несчастнаго,
На позоръ его и смерть.
Вотъ примѣръ вамъ, други, недруги!
Не живите, братцы, такъ:
Не живите въ ссорѣ съ совѣстью,
Такъ, какъ прожилъ я, бѣднякъ!
Вотъ священникъ кончилъ исповѣдь
И палачъ передо мной...
Хочешь, нѣтъ ли, а приходится
Познакомиться съ петлей...

Лишь сороки бѣлобокiя
Стануть вкругъ меня летать,
Кудри длинныя, измятыя
Будутъ холить и чесать.
Пусть слетятся злыя вороны,
А не ангелы съ небесъ,
И растащатъ тѣло грѣшное,
Унесутъ въ дремучій лѣсъ!
Пусть растащутъ тѣло грѣшное,
Только, Господи, подай
Миръ душѣ безсмертной въ вѣчности
И прими въ свой свѣтлый рай!

Сиротка Ерица.

„Встань, вставай же, Ерица!
Что воловъ не гонишь ты
Со двора на пастбище!“
— „Подожди ты, матушка,
Нѣтъ еще заутрени,
Не пропѣлъ пѣтухъ еще!“
— „Встань, вставай же Ерица!
Что воловъ не гонишь ты
Со двора на пастбище!“
Тотчасъ встала Ерица—
И воловъ гнала она
Со двора на пастбище.
„Здѣсь, волы, паситесь!
Забѣгу я къ матери
На кладбище тихое...
Отворись, сыра земля
На могилѣ матери:
Все тебѣ я выскажу,
Свое горе выплачу!“

И могила вскрылася;
Ерица заплакала,
Говорила матери:
„Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Не звонять къ заутрени,
Не поеть пѣтухъ еще,
Будить меня мачиха
Гнать воловъ на пастбище;
При тебѣ лежала я
На постелькѣ прибраной
До восхода солнышка,
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Хлѣбъ печеть—зола одна,
Посолить—пескомъ однимъ,
Рѣжетъ хлѣбъ, жалѣючи,
Ломотками тонкими—
Все сквозь нихъ виднѣется—
Да и то съ упреками.
Ты кормила хлѣбушкомъ
Бѣлымъ, не жалѣючи,
Хлѣбъ тотъ масломъ мазала,
Подавала съ радостью.
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Станетъ ли расчесывать
Косу мою длинную
Растеребить до крови;
Ты любила, матушка,
Косу мнѣ расчесывать
Тихо, гладко, съ ласкою.
Матушка родимая!

Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
И постель не стелеть мнѣ,
Не взобьеть, какъ слѣдуетъ;
Не подушку мягкую—
Тернъ кладеть мнѣ въ голову
Одѣяло жесткое
Все пескомъ посыпано;
Ты взбивала, матушка,
Каждый день постель мою.
Матушка родимая
Я ужъ не вернусь домой!
Говорить покойница
Изъ могилы Ерицѣ:
„Перебейся, Ерица!
Уповай на Господа!“
— „Матушка родимая!
Не пойду я къ мачихѣ:
Я съ тобой остануся,
Лягу въ землю черную!“
Опускалась Ерица
На могилу матери,
Опускаясь, молвила:
„Лучше мать-покойница, —
Чѣмъ живая мачиха!“
Только это молвила
И съ душой разсталася.

Лужицкія пѣсни.

Л е г е н д а.

Пускай узнаетъ цѣлый свѣтъ,
 Что было въ Уграхъ за сто лѣтъ.
 Жилъ въ Варадинѣ славный князь—
 И дочь у князя родилась;
 Лицомъ пригожа и свѣтла
 Новорожденная была.
 Когда же стала подростать,
 Не шла съ подругами играть;
 Но въ божьихъ храмахъ день и ночь
 Молилась княжеская дочь.
 Минуло ей шестнадцать лѣтъ—
 Она даетъ святой обѣтъ:
 Оставить міра суету
 И посвятить себя Христу.
 Но слышитъ вѣсти отъ родныхъ,
 Что къ ней присватался женихъ,
 Что красотой ея плѣненъ
 Одинъ владѣтельный баронъ.
 И соглашаются отдать
 Ему ее отецъ и мать;
 Но дочь одно твердитъ въ отвѣтъ:
 „Дала я Господу обѣтъ
 Весь вѣкъ не вѣдать брачныхъ узъ;
 Одинъ женихъ мой—Иисусъ!“
 Но ей отецъ, возвысивъ голосъ:
 „Ты наша дочь—и слушай насъ!“
 И дочь, покорствуя отцу,
 Пошла готовиться къ вѣнцу,
 Кротка, спокойна и тиха,
 Но не глядитъ на жениха.
 Когда жъ оконченъ былъ обрядъ,
 Она ушла тихонько въ садъ

Къ своимъ возлюбленнымъ цвѣтамъ,
И на колѣни пала тамъ,
И говорила такъ, молясь:
„Услыши, Господи, мой гласъ,
И укрѣпи во мнѣ, Господь,
Изнемогающую плоть!“
И передъ нею Онъ предсталъ,
И страхъ невѣсту обуялъ;
Но подалъ Онъ десницу ей—
И стала вдругъ она смѣлѣй,
И новыхъ силъ живой родникъ
Ей въ душу слабую проникъ.
И кротко въ очи ей смотря,
Господь вѣщалъ ей, говоря:
„Возьми свой перстень золотой,
Залогъ любви моей святой!“
Невѣста розу сорвала
И жениху ее дала,
Предъ нимъ колѣни преклоня:
„Прими залогъ и отъ меня!“
И обрученные пошли,
Срывая розаны съ земли;
А онъ, на ней покоя взгляды,
Сказалъ: „Пойдемъ въ Мой вертоградъ!“
И, взявъ, повелъ ее съ собой.
И шли они рука съ рукой,
И въ вертоградъ къ Нему пришли,
Гдѣ розы пышныя цвѣли,
Алоэ, нарды и киннамонъ,
И раздавался нѣкій звонъ
Золотострунныхъ райскихъ лиръ,
И пѣлъ святыхъ избранный клиръ.
И доведя ее до вратъ,
Онъ рекъ: „ты зрѣла вертоградъ!
Иди—пора тебѣ домой—
И миръ—дабудетъ надъ тобой!“

И опечалилась княжна:
Глядитъ—опять стоитъ она
Предъ Варадиномъ у воротъ,
И стража кличетъ: „Кто идетъ?“
Она, сробѣвъ и устыдясь,
Даеъ отвѣтъ: „Отецъ мой князь;
Объ немъ извѣстенъ городъ весь:
Онъ воеводой главнымъ здѣсь!
Но возражаетъ стража ей:
„У воеводы нѣтъ дѣтей!“
Она же имъ твердитъ одно:
„Онъ воеводой здѣсь давно!“
И взявъ, привратники ведутъ
Ее къ судьямъ своимъ на судъ;
Тѣ стали спрашивать ее,
Она же имъ опять свое:
„Отецъ мой князь!“ она твердитъ:
„Онъ воеводой здѣсь сидитъ“.
И диву судьи всѣ дивились,
И рыться въ книгахъ принялись,
И тамъ прочли они въ отвѣтъ,
Что въ Варадинѣ за сто лѣтъ,
На праздникъ въ свадебную ночь,
Пропаала княжеская дочь.
И судьи всѣ рѣшили такъ,
Что это вышней воли знакъ.
И, внявъ княжнѣ, они пошли
И ей пастора привели:
И, осѣнясь его крестомъ,
Она почила вѣчнымъ сномъ,
Тиха, спокойна и ясна,
И благолѣпія полна.
Тому внимая, всякій чти
Святые Господа пути,
Зане Живый на небесахъ
И многомилостивъ, и благъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Вступительная статья Т. В. Поссе 5

Великорусскія пѣсни.

Дубинушка 20

Эй, ухнемъ! 21

Полоса 21

Зашумѣла, разгулялась 22

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ 23

Не одна въ полѣ дороженка 24

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ 24

Доля бѣдняка 25

Пѣсня рекрута 26

Лѣса-ли вы, лѣсочки, лѣса темные! 27

Не шуми, мать, зеленая добравушка 27

Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ 28

Вдоль да по рѣчкѣ 29

Какъ у нашихъ у воротъ 31

И я золото хороню, хороню 33

Я вечеръ въ лугахъ гуляла 35

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется 36

Ахъ, со вечера пороша 37

Ивушка 37

Лучинушка 38

Ахъ, ты ночка, ноченька 39

Малорусскія пѣсни.

Сагайдачный 39

Морозенко 40

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова 41

Вѣютъ вѣтры 44

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый 45

	Стр.
Доля моя, доля	46
Яворъ	47
Три сестры	48
Былъ у матери сынъ соколъ	59
Бездолье	50

Червонорусскія пѣсни.

Вдова	51
Примиреніе	51
Нана	52
Добрые паны	53

Бѣлорусскія пѣсни.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ	55
Не сѣки ты, батюшка	55
Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится	56
Бузина съ малиною	57
Петрусь	58

Польскія пѣсни.

Ожиданіе	61
Смерть милого	61

Болгарскія пѣсни.

Исповѣдь Марко-Кралевица	63
Обитель Врачарница	65

Сербскія пѣсни.

Марко-Королевичъ и соколъ	71
Марко-Королевичъ пашеть	72
Соловей	75
Конь	73
Женитьба воробья	75

Чешскія пѣсни.

Гуситская пѣсня	76
Гей славяне!	77
Вѣнокъ	78
Подъ окошкомъ	79
Жаворонокъ	89
Разсвѣтъ	80

Моравскія пѣсни.

Печаль	81
Старый мужъ	81
Смерть матери	83

Словацкія пѣсни.

Изгнаніе	84
Собесскій и турки	84
Бѣлградъ	85

Хорутанскія пѣсни.

Преступникъ	86
Сиротка Ерица	87

Лужицкія пѣсни.

Легенда	90
-------------------	----

Каталогъ книгъ, изданныхъ „Жизнь для Всѣхъ“.

1. 15 томовъ сочиненій Л. Н. Толстого. Цѣна за всѣ 15 томовъ 4 р. 50 коп., въ переплетахъ, тисненныхъ золотомъ 7 р.

Выписывающіе сразу не менѣе 5 комплектовъ соч. Л. Н. Толстого пользуются уступкою въ 40%.

II. Полное собраніе соч. К. В. Рылѣева и А. И. Одовскаго. Цѣна 1 р. 50 к. Для подписч. 75 к.

III. Собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго и Д. Веневитинова. Цѣна 1 р. 20 к. для подп. 60 к.

IV. Стихотв. А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. Цѣна 50 к.; для подп. 25 коп.

V. Н. А. Добролюбовъ. Сочиненія. Цѣна 1 р. Для подп. 50 к.

VI. I. Г. Фихте. Назначеніе человѣка. Цѣна 50 к. для подп. 30 к.

VII. Фр. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Цѣна 1 р.

VIII. С. Басовъ и В. Заксъ. Начатки познанія Россіи, Ц. 60 к. для подп. 30 к.

IX. В. А. Поссе и Г. И. Лебедевъ. Жизнь Л. Н. Толстого. Ц. 50 к. для подп. 25 к.

X. В. А. Поссе. Бракъ, семья и школа (съ порт. авт.). Ц. 30 к. Уступки не дѣлается.

XI. М. Слобожанинъ. Къ 50-лѣтію земства. Ц. 2 р. Уступки не дѣлается.

XII. Р. Нумовъ. Въ Татьянину ночь. Сбор. разск. Цѣна 1 р. Для подп. 50 к.

XIII. „Освобожденіе крестьянъ“. Сборн. статей проф. А. С. Посникова; М. Слобожанина: И. Игнатовичъ; В. В.; А. А. Корнилова; В. Евгеньева. Цѣна 85 к. для подп. 30 к. въ изящномъ переплетѣ 60 к.

XIV. А. Н. Хлѣбникова. Грядковая культура на основаніи личнаго опыта. Цѣна 20 к., для подп. 10 коп.

XV. Москва и ея жизнь. Сост. Р. Кумовъ. 311 стр. Ц. 1 р.

XVI. Жизнь для дѣтей. Сборникъ рассказовъ. Ц. 80 к.

XVII. Петроградъ и его жизнь. Сб. стат. съ планомъ города. Ц. 1 р.

XVIII. С. А. Пинусъ. Французск. поэты. 2 вып. Ц. за оба вып. 90 к.

XIX. Альбомъ карт. русск. худ. „Родное“. Ц. 50 к. для подп. 25 к.

XX. Альбомъ „1812 годъ“. Ц. 50 к. для подп. 25 к.

XXI. Н. Французъ. Борьба за право. Ц. 50 к.

XXII. Э. Зола. Углекопы. Ц. 60.

XXIII. Комплектъ „Жизни для всѣхъ“ за 1912 г. Ц. 2 р. въ изящномъ переп. 2 р. 70 к., для подп. 1 р., въ перепл. 1 р. 70 к.

ЦѢНЫ КНИГЪ УКАЗАНЫ ВЕЗДѢ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

За пересылку слѣдуетъ прилагать $\frac{1}{4}$ (25%) стоимости книгъ, т. е. при выпискѣ на 2 р.—50 к. и т. д. 16 №№ „Родной Газеты“ высыл. за 1 р. съ пер.

Адресъ конт. и ред.: Петроградъ, ул. Жуковскаго, д. 22. „Жизнь для всѣхъ“.

„Коммерческая Ти-
пографія“, Петрогр.
Столярный 9.
Телефонъ 520-22.

Бесплатное приложение ко II изд. журнала „Жизнь
для Всѣхъ“ на 1914 г.

2007066809